

Фернан Кроммелинк

ЖАР И ХОЛОД

или

ИДЕЯ ГОСПОДИНА ДОМА

Перевод Натальи Санниковой

Действующие лица:

Леона

Аликс

Ида

Фели

Одилон

Бельмас

Бургомистр

Тьерри

АКТ ПЕРВЫЙ

Просторная квадратная комната в загородном доме.

В центре стол, два-три низких кресла; ни единой вещи, никаких украшений.

Слева, напротив камина с козырьком, высокая широкая дверь в комнату господина Дома; справа две двери в другие комнаты. В глубине, между двумя окнами – входная дверь.

Вот и все.

Но окна, одетые в белый муслин с крахмальными оборками и убранные по бокам оливково-зелеными репсовыми порттьерами, высокие голые стены цвета желтого шафрана, тщательно отполированные оранжевые двери, блестящая как темное зеркало поверхность стола, - все вместе производит впечатление порядка, роскоши и стабильности.

В глубине сцены появляется Ида, красивая крестьянка лет тридцати. Она ненадолго останавливается на пороге, осматривает комнату, делает шаг вперед и ногой толкает дверь, которая с шумом за ней закрывается.

Она в ярости и полна решимости.

Окинув двери взглядом, Ида настойчиво зовет: «Леона!» Молчание. Ида ждет, затем зовет опять: «Леона!» Садится на край кресла, стараясь держаться прямо.

Справа входит Аликс, молодая апатичная служанка.

Ида тут же встает.

ИДА (бледная, сдерживает себя, и все равно дрожит). – Она здесь? Уже час ее зову.

АЛИКС (не особенно удивившись). – Час? Я заходила в эту комнату пять минут назад.

ИДА (пожимает плечами, нетерпеливо). – Я не могу больше ждать. Она здесь?

АЛИКС. – Кто?

ИДА (перестает сдерживать себя). – Кто?... Может, луна? Или, может, честность твоя?.. Кто?.. Дурочку из себя изображаешь, а сама насквозь просвечиваешь, как ночник фарфоровый!.. (Аликс беззвучно смеется. Ида немного успокаивается.) Я тебя спрашиваю, здесь она или нет, твоя сучка!

АЛИКС (почти без возмущения). – Как вы можете...

ИДА (вздыхает). – Сучка и есть, сказала и еще повторю, только уже не словами!

АЛИКС. – Она в ванной.

ИДА (притворно смеется). – Ха-ха!.. В корыте своем!.. (Затем, презрительно) А я моюсь под струей воды, да под открытым небом! Скажи ей, чтобы явилась сюда, живо. Я не могу больше ждать! Пусть выходит хоть нагишом, я ее тоже голыми руками...

АЛИКС (вкрадчиво). – Вы хотите ее побить?

ИДА. – Сама видишь: у меня руки чешутся.

АЛИКС (недоверчиво). – Вы правда ее побьете?

ИДА. – А правда ее еще не били? Да, девочка моя, да, быть ей битой, красавице Леоне, жене господина Дома. Самой госпоже Дом. Беги за ней, пока не оказалась на ее месте.

АЛИКС (медленно направляется к левой двери, затем останавливается). – А удар у вас как, сильный?

ИДА (смеется, угрожающе). – Припечатаю так, что на ее щеке можно будет прочитать линию судьбы с моей ладони.

АЛИКС (беззвучно смеется). – Именно это она и сделает, не сомневайтесь! Прочтет ваше будущее в своем зеркале. А потом всем расскажет: «Наша Ида умрет от удара.»

ИДА (потрясенная). – Вот стерва!

АЛИКС. – Я бегу... (Перед самым выходом останавливается.) Только вы ошиблись: ничего такого, о чем вы думаете...

ИДА. – Откуда ты знаешь, о чем я думаю?

АЛИКС. – Неважно. Я хочу сказать, что вы опоздали: между ней и вашим Тьерри все кончено.

ИДА. – А между ней и мной – нет! Пощечины остывают дольше, чем поцелуи. Конечно, говоришь? Ты должна знать, раз меняешь ее простыни. Достойное у тебя ремесло!

АЛИКС (с той же вкрадчивостью и простотой). – Мне все равно, на своих я сплю одна.

Уходит.

ИДА (презрительно). – Неужели?..

АЛИКС (внезапно разворачивается, возвращается, высовывает голову из-за двери и тихо бросает). – Мне в моей постели не нужны эти ваши скоты с их грубым видом, грубыми голосами и грубой шерстью!

ИДА (пожимает плечами). – Тебе их никто не навязывает.

АЛИКС (смотрит ей в глаза, одно мгновение, и произносит, очень медленно). – Я тоже могу сказать: неужели?

В глубине сцены появляется Бельмас, молодой учитель. Аликс, увидав его, кивает головой и выходит. Ида замечает ее жест, оборачивается. Молодой человек мнется у порога.

ИДА (насмешливо). – Входите, входите, не стесняйтесь...

БЕЛЬМАС (входит, смущенно улыбается). – Добрый день.

ИДА (с явно преувеличенным почтением). – День добрый, господин учитель. (Она тоже улыбается с притворной любезностью.) Да вы садитесь, придется вам поскучать в моем обществе. Она отмокает в ванной. Но она придет! Ей-богу, вот-вот появится. (Учитель чувствует себя неуютно. Он робко садится. Она подходит совсем близко к

нему, встает, уперев руки в бока. Рассматривает его. Затем, медленно:) А вы, господин учитель, не красавчик.

БЕЛЬМАС (обескуражен, поднимает голову). – Нет?

ИДА (просто). – Нет. Горожанин!.. Смотрю я на вас: туловище навалилось на ноги как куль с мукой, все остальное тоже как-то того, набекрень. (Она смеется, затем, понизив голос, удивленно:) И вы заменили моего мужа!..

БЕЛЬМАС (потрясенный, бормочет). – Я никого не заменял. Ученики отдыхают на каникулах...

ИДА (нервно смеется). – Тьерри, мой муж, да-да, он теперь тоже отдыхает. Красавица Леона дала ему отставку.

БЕЛЬМАС (пожимает плечами, встает, дрожащим голосом). – Это все сплетни!

ИДА (тотчас, ожесточенно, глухим голосом). – Тьерри уже месяц сам не свой, не муж, а холодный голый истукан. Даже на солнце глаз не щурит. Ни слова не вытянешь, глухой, немой, вся кровь застыла: ни дать ни взять, истукан бездушный! Представьте себе, как такое бродит по дому, на улице, среди людей. Друзья смеялись, а я ревела! Да, я тоже умею реветь. (Искоса смотрит на Бельмаса и горько смеется.) И все из-за вас с ней! (Снова продолжает, едва сдерживая гнев, почти с ужасом.) А он, Тьерри, он умеет? Он вдруг растаял прямо у меня на глазах!.. Ты когда-нибудь слышал, как рыдает мужчина, сильный мужчина? (Она затыкает уши и почти кричит.) Хватит! Хватит! (Затем:) Рыдает? Нет. Воет, тоскливо, как пес. Сплетни, говоришь? Весь последний месяц он рыдал в глубине души, у меня под боком, в кругу родни, а мы ничего не слышали!

БЕЛЬМАС (внезапно раздражаясь, сам с собой). – Не может быть месяц!..

ИДА. – Что она им говорит, что с ними делает, чем сводит их с ума? Чем? Посмотрите на меня. (Проводит по пышным грудям, упирается руками в упругие бедра. Поднимает взгляд на Бельмаса.) Все при мне! А лицо, глаза, губы? Что, не хороши? Когда Тьерри брал меня в жены, я была только обещанием, по-вашему, оно не сбылось? Может, вы думаете, я ничего не умею в постели? (Смеется, но с горьким торжеством.) Еще как умею! (Придвигается к нему.) Ну что она с ними делает, а? Я спросила об этом Тьерри, он ответил «Ничего.» Она говорит «Здравствуй, ты, прощай, ты, ты, ты...», и все. Вы заполучили место Тьерри, вот вы мне и растолкуйте!

БЕЛЬМАС (расстроено). – Не может быть месяц!..

ИДА (пристально смотрит на него). – Я должна вас ненавидеть за его страдания, а нет, не могу, что с вас взять... Хотя Тьерри – это такой человек! (Она улыбается, не без гордости.) Бывает, на меня вдруг как нахлынет, как начну его костерить. Он только взгляд поднимет, не кулаки. Но она! Она заплатит, за то что увела его и за то что бросила. Он сам мне рассказывал: накануне она встретила его как обычно со словами

“а, это ты, здравствуй”, и с этими со своими “ты, ты, ты”. А назавтра как ничего и не было, сделала вид что вообще его не узнала, стерва! “ Взгляд мертвый, - сказал он, - и мертвый голос.” Он уже целый месяц хранит этот холод внутри.

БЕЛЬМАС (ходит по комнате, все больше нервничает.) – Не может быть месяц, нет!

Можно подумать, она впервые слышит эту фразу. Она поражена. Наконец, у нее невольно прорывается здоровое веселье.

ИДА. – Не может быть месяц? Нет?.. А сколько? (Пристыженный, он не отвечает. Она осторожно настаивает.) Два, да? Два месяца? Два?

БЕЛЬМАС (отрицательно качает головой). – Оставим это.

ИДА. – Три? Три? (Он склоняет голову, она понижает голос.) Три месяца? (Торжествующе смеется.) Выходит, вас было двое рогатых под одним ярмом! Сейчас же расскажу об этом Тьерри, пусть позлится, авось быстрее утешится! (Ей овладевает другая мысль, она почти весела.) А господин Дом, он каждое утро выходит за порог в маске примерного мужа, которая пристроилась к его воротничку вместо лица, а по вечерам возвращается из города в той же маске, в костюме с иголки, с таким видом, будто выбирает себе сухой путь между потоками ливня в грозу. Даже если наводнение снесет мост, господин Дом продолжит идти той же дорогой не меняя шага. По воде пойдет, ей-богу! (От души смеется.) Реку перейдет, и не заметит, что совершил чудо!

БЕЛЬМАС (смотрит на нее с беспокойством). – Вы сошли с ума?!

ИДА (так же весело). – Так что его жене хватает свободного времени быть “на ты” с двумя любовниками по очереди. Прыг-скок. Госпожа не изменяет только горизонтальному положению.

БЕЛЬМАС (внезапно разозлившись). – Я уже... меня уже не удивляет, что очарование этой женщины кажется вам необъяснимым... А ей показался бы странным – вот-вот, именно странным, да! - ваш низменный материализм!

ИДА (насмешливо). – Да ладно, вы же не на уроке! Дождетесь, придет время, и ваш костер превратится в золу. Вот тогда вы продиктуете своим ученикам слова, которые удивят их родителей: “Ты, ты, ты, прощай, ты...”

БЕЛЬМАС (вне себя). – В конце концов, кто дал вам право подозревать...

ИДА (жестом останавливает его). – Тс!.. Она изменила Тьерри. Ладно. Тем лучше. Значит, я могу побить Леону при вас.

БЕЛЬМАС (потрясен). – Вы хотите ее...

ИДА (дрожа). – Ну да, побить.

БЕЛЬМАС. – Я не позволю...

ИДА (очень спокойно). – Тогда уходите.

БЕЛЬМАС (сквозь зубы). – Бред какой-то!.. Вздор!

Справа входит юная служанка, такая же медлительная и невозмутимая.

АЛИКС. – Госпожа просит ее извинить, в данный момент она не может принять пощечины...

ИДА (в замешательстве). – Не может принять...

АЛИКС. – она еще не закончила эпиляцию и шлифовку ногтей, поэтому просит вас заглянуть через час.

Ида вне себя от гнева. Она пристально смотрит то на Аликс, то на учителя.

ИДА (глухо восклицает). – Ах так!.. (Затем берет себя в руки и отвечает слащавым тоном.) Ладно, девочка моя, ладно, я вернусь. До скорого. Скажите госпоже Дом, что ей придется доплатить за отсрочку. И еще скажите... (Ее начинает захлестывать гнев, но она успевает взять себя в руки.) ... скажите, что я буду бить ее раз в неделю, пока у меня от сердца не отляжет... (Медленно направляется к двери в глубине сцены, покачивая бедрами и поводя плечами. На пороге останавливается, оборачивается.) Да, еще вот что. Скажите ей, что день она может выбрать сама! (Она уходит, ушла. Учитель бежит удостовериться, что она убралась окончательно. И сталкивается с ней нос к носу. Она вернулась, в гнев, с перекошенным от злости лицом. Учитель пятится назад. Она хрипло бросает.) Все вы здесь, все, все, все, кобели да суки! (Она быстро удаляется, слышен ее голос.) Кобели да суки! Кобели да суки! Кобели да суки!

Аликс смеется своим беззвучным смехом. Бельмас потрясен. Он закрывает входную дверь и подбегает к ней.

БЕЛЬМАС (чуть понизив голос, вьется вокруг нее). – Аликс, я хочу сделать тебе подарок. Пойдешь в город и что-нибудь себе выберешь: шелковые чулки, дорогую куклу, платки с твоей монограммой, - слышишь, сама выберешь. Только скажи мне правду!.. (еще тише.) Была она любовницей Тьерри? (Взволнованно.) Аликс, дорогая, не лги мне, я тебе верю, ты добрая, честная, скромная... Отвечай!.. Нет, подожди, иди сюда. (Останавливается перед ней, приподнимает ее подбородок.) Дай мне увидеть твой открытый взгляд, вот так. Теперь говори.

АЛИКС (удивленно выкатив глаза). – Любовницей Тьерри?

БЕЛЬМАС (задыхаясь). – Правду! Правду!

АЛИКС (искренне, не опуская взгляда). – Да ведь она его жена!

БЕЛЬМАС (остолбенев). – Кто?

АЛИКС. – Как кто, Ида, ну та, которая только что ушла.

БЕЛЬМАС (с досадой, отшатнувшись). – Дура! Кто тебя спрашивает про Иду!.. (Снова подходит к ней, растерянный, жалкий, умоляющий.) Ну прости меня, только не сердись!.. Я так измучился, что перестал себя контролировать. Ты не дура. Ты умная и чуткая, все это знают, и я знаю. Простишь? Начнем с начала, хорошо? (Снова встает перед ней, держит ее лицо в своих руках.) Посмотри на меня своими честными глазами. Я спрашиваю тебя, я тебя спрашиваю: «Правда ли, что когда я полюбил Леону, Тьерри был ее любовником?»

АЛИКС (вырывается из его рук и с возмущением кричит). – О!.. (Внезапным движением разворачивается к нему спиной.) Как вы можете!..

БЕЛЬМАС (без ума от радости). – Ты мне ответила, спасибо!.. (Радостный, привлекает Аликс к себе и целует ее в губы, крепко и звонко. Принимается ходить туда сюда.) Аликс, дорогая, я уже три месяца купаюсь в любви как пловец в океане! Меня несет волной! Лишь бы не начался шторм! Чтобы меня не накрыло той же волной!.. (Внезапно останавливается, удивленный.) Аликс, кажется, я вас поцеловал? (Она склоняет голову, скромно опускает взгляд. Он констатирует.) Так и есть! (Просит, опечаленно.) Аликс, умоляю, не говорите Леоне!.. Вы очень на меня сердитесь? (Она отрицательно качает головой.) Не очень? (Она делает отрицательный жест.) Совсем не сердитесь? (Нет. Он успокаивается. Переводит дыхание.) Я не хотел. Мой поцелуй был вызван радостью, как ваш крик – возмущением. Я готов был расцеловать хоть дерево!

АЛИКС (очень тихо, печально). – Да?

БЕЛЬМАС (пытаясь исправиться). – То есть нет, конечно, нет. Я преувеличил. Ни одно дерево, даже говорящее, не могло бы меня утешить так как вы. (Глупо смеется.) Ну, разве что одно-единственное дерево, то, которое смотрит в ее окно. Короче говоря, это был незрячий поцелуй вслепую. Забудем о нем. (Она отрицательно качает головой, но он не замечает.) Не рассказывай Леоне, о чем я тут тебя спрашивал. Она примет это за оскорбление. И будет права! Права будет! «Почему, - скажет она, - вы больше доверяете этой мегере, чем мне?» Да простит меня возлюбленная, эта женщина влила мне яд в ухо. Значит, Леоне ни слова, ни о расспросах, ни о поцелуе, договорились? (Аликс жестом соглашается.) Вот и отлично! (Но его снова начинает терзать сомнение. Его голос меняется.) Нет, Аликс! Я так не могу! Помнишь, я тебя спросил: «Правда ли, что когда я полюбил Леону»... ну и далее по тексту. А раньше? Раньше, Аликс, до того как я ее полюбил, скажи мне, была у нее к Тьерри слабость, привязанность? Знаю, ты мне возразишь: «Какая разница? Прошлое никому не принадлежит.» Милая Аликс, ты ничего не знаешь о любви! Ты еще совсем ребенок. Умоляю тебя, ответь! (Она поворачивается спиной к нему и молча замирает. Он садится, пораженный, тяжело дышит.) Аликс, я должен понимать твое молчание как приговор?.. (Стонет.) Твое молчание страшнее слов! (Поднимается, подходит к ней на ослабевших ногах, руки трясутся.) Дорогая, я не отказываюсь от своих обещаний, ты пойдешь в город и выберешь все что пожелаешь: помаду, сумочку, пряжку для пояса... только ответь!

АЛИКС (скромно, замерев прямо и неподвижно, опустив взгляд). – Не хочу я ни вашей пряжки...

БЕЛЬМАС. – Как скажешь!

АЛИКС. – ни чулок, ни платков...

БЕЛЬМАС. – Сама выбирай!

АЛИКС. – Ничего такого.

БЕЛЬМАС. – Тебе нужны деньги?

АЛИКС. – Нет.

БЕЛЬМАС. – Ты меня вконец измучила!.. Ну, чего ты хочешь, я все сделаю, обещаю!.. Говори, приказывай, требуй! Только не тяни!

АЛИКС (смущенно). – Еще раз...

БЕЛЬМАС. – Что?

АЛИКС (храбро подняв голову). – Поцелуйте меня еще раз, пожалуйста...

БЕЛЬМАС (в приятном замешательстве). – Поцеловать? Может, я чего-то не понял? Поцеловать тебя? (Смеется от удовольствия и умиления.) Маленькая плутовка!.. Поцеловать... Не может быть! Значит, тебе нравится, когда тебя целуют?

АЛИКС (скромно). – Нет, не когда целуют, только когда целуете вы!

БЕЛЬМАС (все больше приятно удивляясь). – Я?.. Один только я? В самом деле? Это не сон? Да, Аликс, вы в самом деле чудесная девушка. Это нужно было слышать: «Поцелуйте меня, пожалуйста.» Ну как вам откажешь? Идите сюда! (Она подходит, он ее обнимает.) Но потом ты ответишь на мой вопрос. Хоть ты и знаешь, как я люблю Леону, все равно не лги, даже если тебе жалко ее или меня. Самая страшная правда со временем залечивает раны, которые когда-то нанесла. Спрашиваю в последний раз: «До того как я полюбил Леону, была у нее к Тьерри...» и далее по тексту. Получай свой поцелуй. (Быстро и неуклюже целует ее в губы. Потом, не слишком разжимая объятий.) Теперь я тебя слушаю.

АЛИКС (жалобно, подняв глаза к нему). – Я так вас к ней ревную, что мне хочется ответить «да». Какая жалость: нет!

БЕЛЬМАС (на седьмом небе от счастья). – Благодарю!.. Ты удивительная девушка! (Опьяненный своим счастьем, он снова привлекает ее к себе, их губы сливаются в долгом поцелуе. Оторвавшись от нее, он ходит по комнате, возбужденный, обеспокоенный, но во власти очарования.) Должен признаться, на этот раз наши ласки не были такими уж невинными. По правде говоря, я ужасно волнуюсь. А кто не

разволновался бы на моем месте? (Возвращается к ней, берет ее руку и засовывает ее под свой жилет.) Слышишь, как стучит мое сердце?

АЛИКС (восхищенно). – Как будто в дверь стучат!

БЕЛЬМАС (удивлен, с одобрением). – Точно!

АЛИКС (берет его руку, кладет себе на грудь). – Мое тоже.

БЕЛЬМАС (смеется). – В ту же дверь!.. (Тут же с беспокойством отходит в сторону.) Тс! Только без глупостей! (Удовлетворенно смеется) Не могу отрицать, ты умеешь найти подход... (Продолжает.) Хорошо еще, что из-за этого удовольствия, между прочим, почти невольного, я потом буду мучиться угрызениями совести. Страдать буду!.. Честно говоря, пока я их не чувствую. Наоборот, меня прямо-таки тянет снова рискнуть. Но нет, мы должны смотреть в глаза опасности, мы должны стать сильными поодиночке, раз у нас вместе не получается. Аликс, послушай. (Он садится, она прижимается к нему, стоя.) Я люблю Леону. Вот уже три месяца я люблю ее нежно, горячо и самозабвенно. Может быть, причина моего волнения после нашего поцелуя и-мен-но в той широте чувства, которое не довольствуется больше рамками субъекта и объекта, а выплескивается наружу со всей силой своего эгоизма... и далее по тексту. Ну, ты меня понимаешь.

АЛИКС (со всей непосредственностью, воодушевленно). – О, да!..

БЕЛЬМАС. – Да, я люблю Леону, А она меня, думаешь, любит?

АЛИКС (с нежным упреком). – Шутите? Вас все женщины обожают!

БЕЛЬМАС (очень взволнован, протестует). – О, нет, нет! (Тихо смеется.) Скажешь тоже! Это просто смешно... Не все!

АЛИКС (жалобно). – Она вас любит!

БЕЛЬМАС. – Да!

АЛИКС – И почтальонша вас любит.

БЕЛЬМАС (заинтригован). – Да нет же... Какой ужас!

АЛИКС. – Любит, она сама мне призналась.

БЕЛЬМАС (ошеломлен). – Да?

АЛИКС. – Ну, эту я не боюсь. Ида, она тоже вас любит.

БЕЛЬМАС (остолбенев). – Ида? Ты с ума сошла! Она же мне прямо сказала «Вы, господин учитель, не красавчик.»

АЛИКС. – Вот именно! Стала бы она вам так говорить, если бы была к вам равнодушна? А как она придумала эту историю с Тьерри, чтобы оттолкнуть вас от госпожи?

БЕЛЬМАС (озадаченно). – Ты права... Раз мы не сомневаемся в верности Леоны, у Иды должны быть другие причины так себя вести. (Почти поверив.) Почему я? Почему?

АЛИКС (закрывает глаза руками, плачет?). – Я запрещаю вам целоваться с Идой!..

БЕЛЬМАС (растроган, обнимает ее за талию). – Восхитительная, нежная, прелестная Аликс. (Прижимается лицом к ее груди.) Я чувствую щекой солнечное, так сказать, тепло твоего тела, твои изящные формы. (Полуприкрыв глаза.) Как палеонтолог по фрагменту кости воссоздает весь скелет плезиозавра или мамонта, я по одному прикосновению к кусочку твоей плоти могу дорисовать в своем воображении весь твой дивный облик.

АЛИКС (смущенно). – Вы заставляете меня краснеть.

БЕЛЬМАС (вдруг берет себя в руки, осторожно ее отодвигает). – Аликс, прекрати! Где моя воля? Где твое благоразумие? Чего ты добиваешься?

АЛИКС (скользнув к нему на колени). – Ничего.

БЕЛЬМАС (тщетно пытаюсь подняться). – Аликс! Ты сошла с ума! Леона может войти с минуты на минуту!.. Она знает, что я здесь?

АЛИКС. – Да, но она выйдет из ванной не раньше чем через час.

БЕЛЬМАС. – Неважно, оставь меня, детка, оставь.

АЛИКС (уткнувшись лицом в его плечо). – Это жестоко!

БЕЛЬМАС (снова смягчаясь). – Нет, малышка, нет! Пойми, я не могу быть с тобой и не изменить при этом возлюбленной.

АЛИКС. – Но она-то изменяет вам с господином Домом!

БЕЛЬМАС (живо, с убежденностью). – Нет! Нисколько! Господин Дом всего лишь ее муж! Ее общественный статус и далее по тексту.

АЛИКС (бормочет). – Всего лишь?..

БЕЛЬМАС. – После нескольких лет совместной жизни муж для жены становится всего лишь родственником, иногда слишком навязчивым, слишком нескромным... (Уверен в себе.) Так что не вижу повода для ревности.

АЛИКС (настойчиво). – Тогда я всего лишь служанка!

БЕЛЬМАС (не слушая ее). – Во первых, когда я познакомился с Леоной, она уже давно была госпожой Дом, замужней дамой, а не девицей, не вижу повода для ревности. Во-вторых, когда я стал ее любовником, то в некотором роде узаконил существование ее мужа, она признанная госпожа Дом, не вижу повода для ревности. В-третьих, это был брак по расчету. В-четвертых, у господина Дома разжижение крови, она сама мне рассказывала. В-пятых, она не любит своего Дома, даже если бы он вдруг почувствовал что-то вроде желания, ему пришлось бы обниматься с призраком. Не вижу повода для ревности.

АЛИКС (нежно). – Хоть вы меня и не любите, мне вполне хватило бы такого призрака как вы.

БЕЛЬМАС (оживленно). – Тише, тише, у меня сердце стучит!.. Нет, она прелесть. На все у нее готов ответ.

АЛИКС (еще нежнее). – Я так вас люблю!

БЕЛЬМАС (обезумевший, побежденный). – Нет, дорогая, нет, ты себя обманываешь. Просто ты поддалась здоровому зову юности и весны!

АЛИКС. – Неправда, я вас и зимой люблю!..

БЕЛЬМАС (потеряв голову). – Замолчи!

Обнимает ее, целует в губы.

В этот момент дверь распахивается и входит Леона. Она в теле, на пике зрелой красоты, с сияющим цветом лица и рыжеватыми волосами. У нее удлиненные раскосые глаза, чувственный рот, тонкие сильные руки.

Она видит в кресле обнявшуюся парочку. Прижав руку к сердцу, она издает возглас горького удивления. Ее крику вторят два других крика. Аликс и Бельмас вскакивают. Служанка делает прыжок к двери в глубине сцены и останавливается спиной к залу. Бельмас в немом ужасе замирает стоя возле кресла. Молчание.

ЛЕОНА (наконец, горько, почти беззвучно). – В моем доме!.. В моем доме...

БЕЛЬМАС (чуть дыша, бормочет). – Леона... Леона...

ЛЕОНА. – Меня растоптали, унизили...

БЕЛЬМАС. – Нет!

ЛЕОНА. - ...смешали с грязью в моем собственном доме!

БЕЛЬМАС (вдруг срывается на крик). – Нет, любимая, нет!

ЛЕОНА (прижимая руку к сердцу, со стоном). – Не смейте кричать! Ваш голос меня убивает!.. Ему еще хватает наглости на меня кричать.

БЕЛЬМАС (обезумев, тише). – Да-да, я постараюсь говорить тише. Послушай...

ЛЕОНА (быстро пересекает комнату). – Нет! Ни слова! Я все видела, какой удар!

БЕЛЬМАС. – Я говорил с ней о тебе.

ЛЕОНА (содрогнувшись от благородного возмущения). – Теперь он будет уверять, что мои глаза мне лгут.

БЕЛЬМАС (растерявшись). – Нет! Я говорил с ней о нашей любви!

ЛЕОНА. – Хватит!.. Подите прочь!

БЕЛЬМАС (раздавлен). – Леона!

ЛЕОНА (гордо выпрямившись, холодно). – Все кончено. Я умерла... А вы, Аликс, немедленно собирайте вещи... и убирайтесь вон!

БЕЛЬМАС (потеряв надежду). – Что тут сказать... Тебя ввела в заблуждение наша поза.

ЛЕОНА. – Прочь! Прочь! Прочь! Уходите! Иначе уйду я.

Она затыкает уши руками.

БЕЛЬМАС (пятится к входной двери, открывает ее). – Да, я уйду, через минуту! (Очень быстро, задыхаясь.) Мне жаль, что ты заблуждаешься, жаль, что я совершил ошибку. *Errare. Mea culpa.* Мне жаль нашей любви!.. Леона, я признаю, мы разделили поцелуй. Если я говорю разделили, то не для того, чтобы наполовину уменьшить свою ответственность, а совсем наоборот, чтобы удвоить ее. Постарайся понять. На самом деле я расспрашивал ее о твоей жизни, этим все сказано!.. Каюсь. Она так вскрикнула: о! – когда-нибудь я тебе расскажу – и ты ко мне вернешься!

ЛЕОНА (пересекает комнату справа налево). – Пусть! Пусть потом говорят, что меня выгнали из собственного дома!

БЕЛЬМАС (продолжая пятиться, оказывается на пороге). – Прощай! Я тебе напишу, ты узнаешь все! (Леона останавливается. Прежде чем закрыть за собой дверь, просовывает голову в щель.) Теперь я вижу ясно! Любовный поток, бурный любовный поток нес меня к тебе, а натолкнулся на Аликс. Это было препятствие на пути к тебе, любовь приняла препятствие за цель!.. (Леона делает шаг. Он кричит.) Я уже ушел!

Он исчезает. Дверь закрывается. Пауза. Аликс не двигается. Затем поворачивается и открывает лицо, которое прятала в ладонях. Она смеется. Следует быстрый диалог полупшепотом между двумя женщинами, приблизившимися друг к другу.

АЛИКС. – Еле дождалась, пока он уйдет, чуть со смеху не лопнула.

ЛЕОНА. – Бедненький!

АЛИКС. – Богатенький! Я ему оставила целых три сокровища: Иду, почтальоншу и себя.

Стоят совсем близко друг к другу, глаза в глаза.

ЛЕОНА. – Тебе было не слишком противно?

АЛИКС (играя с колье Леоны.) – Если ты мной довольна, то нет.

ЛЕОНА (хочет снять колье). – Очень довольна. Возьми мое колье. Дарю.

АЛИКС (горячо, искренне). – Нет! Не надо!

ЛЕОНА. – Оно же тебе нравилось.

АЛИКС. – Оно и теперь мне нравится. На твоей шее.

ЛЕОНА. – Хочешь перстень с камеей?

АЛИКС (агрессивно). – Ни колье, ни перстня.

ЛЕОНА (смеется). – Маленькая дикарка! (Целует ее.) Спасибо.

АЛИКС (просияв). – Ну скажи, какой черт дернул тебя с ним связаться?

ЛЕОНА (смеется.) – Тебе не понять.

АЛИКС. – У меня вот после одного единственного поцелуя было дикое желание сменить кожу.

ЛЕОНА (все еще смеясь). – А у меня нет.

АЛИКС (к которой вернулась агрессивность). – Тебе приятней сменить мужчину. Один вытесняет другого.

ЛЕОНА (так же агрессивно). – Давай-ка без наставлений. (Затем, холодно.) Ты заказала машину?

АЛИКС (быстро смирившись). – В четыре будет стоять у дверей.

ЛЕОНА. – Иди к себе в комнату и следи за дорогой. Как только увидишь Иду, сразу спускайся меня предупредить. Иди.

АЛИКС (послушно). – Да, конечно. (Дойдя до правой двери, останавливается, оборачивается.) Что ты ей скажешь? Что сделаешь?

ЛЕОНА (улыбаясь, просто). – Ничего, дам себя побить.

АЛИКС (протестует). – Нет! Я с тобой! Вдвоем мы сильнее Иды.

ЛЕОНА (весело). – Оставь... Пусть выпустит пар. Если она меня не побьет, устроит скандал покрупнее: уж лучше быть битой. Успокойся, все-таки у нее не мужской удар.

АЛИКС (ужаснувшись). – Тебя уже бил мужчина?

ЛЕОНА. – И не один. Иди, я прочная.

Аликс бесшумно уходит.

Леона тотчас открывает левую дверь и жестом кого-то приглашает. Появляется Одилон. Ему около двадцати трех – двадцати пяти лет. Высокий, стройный, мускулистый. У него красивое лицо, несмотря на низкий лоб под каштановой шевелюрой и крепкие скулы. Скорее всего, сын богатого фермера.

Леона хватает его за руку и увлекает в комнату.

ОДИЛОН. – Ничего нет.

ЛЕОНА (в замешательстве). – Как ничего нет?

ОДИЛОН. – Так. Нигде ничего нет. Ни денег, ни ценных бумаг.

ЛЕОНА. – Ты везде был, все проверил?

ОДИЛОН. – Простучал все стены, полы и потолки!

ЛЕОНА (поражена). – О! (Пауза, она садится.) Этого не может быть.

ОДИЛОН. – Ничего нет.

ЛЕОНА (вдруг вскакивает, бросается к Одилону и страстно его обнимает). – Ты! Ты! Не отчаивайся!.. Надо искать, искать! Мы найдем...

ОДИЛОН. – Я не отчаиваюсь – мы все равно уезжаем.

ЛЕОНА. – Как? Куда? С чем?

ОДИЛОН. – Я буду работать, я привык.

ЛЕОНА (тронута). – Ты будешь работать, для меня, для нас двоих? (Она обнимает, обвиняет его.) Глупенький, я слишком тебя люблю: я бы не оставила тебе ни времени, ни мужества... (понижив голос) ни сил! Подожди немного!

ОДИЛОН (мрачно). – Нет! Я и так слишком долго терпел рядом с тобой этого твоего господина!

ЛЕОНА (смеется, нежно). – Слишком долго!.. Сегодня вечером будет четырнадцать дней, как мы с тобой впервые встретились и узнали друг друга!

ОДИЛОН. – Да, узнали! Ты сама сказала: узнали! Значит, счет идет не на дни, а на годы, или даже на века...

ЛЕОНА (прижавшись к нему, шепчет). – Ты!.. Ты!... Ты!..

ОДИЛОН (как будто поражен в самое сердце). – Леона! Я правда с первого взгляда понял, что мы с тобой всегда были вместе, я и ты. Если бы я чуть-чуть напряг свою память, то отыскал бы в ней твое имя.

ЛЕОНА (глухим голосом, страстно). – Ты!.. Ты!.. Ты!..

ОДИЛОН (еще больше волнуясь). – Цвет твоих глаз не изменился. С каких пор? Я знал, без всяких там слов, что оставил тебя час назад, просто это было в другом мире.

ЛЕОНА (еще тише). – Ты!.. Ты!.. Ты!..

ОДИЛОН (опускается на колени и обнимает ее ноги, зарывшись лицом в складки юбки). – Леона! Леона! Я знал, что наши тела соединятся, хотим мы этого или нет. Они не забыли друг друга!..

Плачет.

ЛЕОНА (смотрит на него сверху, кладет руку ему на голову. Она говорит с какой-то счастливой грустью, нежно). – Ты!.. То ты меряешь веками, то секундами. Любовь нельзя измерить!.. Подожди. Разве ты не счастлив?

Она осторожно поднимает его голову. Смотрит на него, лучезарно улыбается.

ОДИЛОН. – Счастлив!

ЛЕОНА. – Я же тебя люблю?

ОДИЛОН (быстро встает на ноги. Крепко прижимает ее к себе). – Да!

Они отрываются друг от друга, смеются. Она говорит весело и непринужденно.

ЛЕОНА. – Не вижу повода для ревности. Ты был в доме. Ты знаешь: мы с ним спим на разных кроватях, в разных спальнях.

ОДИЛОН (расстроено). – Вы с ним соседи, это слишком... (Затем.) Послушай, ты говорила, у него разжижение крови, и спит он слоновьим сном, открой мне окно сегодня ночью.

ЛЕОНА (смеется). – Мало тебе того что мы пьемся друг на друга целый день?

ОДИЛОН (сжимает ее запястья). – Я хочу спать рядом с тобой.

ЛЕОНА (покорившись). – Хочешь - будешь!.. Не здесь! (Затем.) Только представь, что у него начнется понос, он встанет, а тут мы с тобой...

ОДИЛОН (прерывает ее). – Ну и что?.. Все равно ты уезжаешь.

ЛЕОНА. – Я бы со стыда сгорела, если бы он увидел меня голой! Я, конечно, никогда не принимала особенно строгих мер, чтобы от него отделаться, но и легкомыслия, чтобы заставить его доказывать, тоже не проявляла.

ОДИЛОН (бледнея). – Что доказывать?

ЛЕОНА (смело, без тени сомнения). – Что он мой муж, не более того! (С ослепительной улыбкой.) Я ведь тебя люблю?

ОДИЛОН (окрыленный). – Леона!

ЛЕОНА. – Одилон, милый, загляни на обратном пути к хозяину машины. Скажи ему, что моя поездка откладывается, пусть не беспокоится.

ОДИЛОН (в отчаянии). – Это глупо!

ЛЕОНА (с искренней досадой, топнув ногой). – Сама знаю! (Вздыхает.) Подожди... (Продолжает.) Он наверняка заявит, что машину мог бы взять кто-нибудь другой, и что он теряет на этом деньги. Заплати ему, чтобы молчал.

ОДИЛОН (смущен). – У меня нет денег.

ЛЕОНА (с улыбкой). – Даже на час аренды? Я тебе дам. (С умилением.) Сумасшедший мой! И ты хотел меня увезти? А, ну да, ты бы работал. (Стоит вплотную к нему, лицом к лицу, смотрит ему прямо в лицо.) А я, что делала бы я в твое отсутствие, чтобы не думать о тебе? Я бы тебе изменяла...

ОДИЛОН (в ярости сжимает ей запястья). – Замолчи!

ЛЕОНА (стонет от боли, но продолжает). – Я не смогла бы иначе.

ОДИЛОН (вне себя). – Я тебя убью! Убью!

ЛЕОНА. – Ты, ты! Ты такой красивый, когда злишься! (Он роняет руки, совершенно разбитый. Она кладет руки ему на плечи, любуясь им.) Ты как будто идешь против

грозы. Ты похож на пророка, возвещающего конец света. (Влюбленно смеется.) Я же тебя люблю?

ОДИЛОН (побежден). – Не сердись на меня.

ЛЕОНА (вдруг, страстно). – Деньги! Деньги!.. На развлечения и красоту нужно много денег! (Затем.) Нравиться тебе, удерживать тебя и нравиться тебе! Я придумаю сто способов казаться тебе разной. Я буду менять прически, оттенки кожи, форму и цвет губ, рисунок и глубину глаз. Каждый раз ты будешь удивляться. Только представь, как весело нам будет каждый раз изменять твоей вчерашней Леоне!

Она нервно смеется.

ОДИЛОН. – Все равно я тебя узнаю!

ЛЕОНА (смеется). – Да, по своему влечению, и по моему тоже! Деньги! Сегодня же вечером я устрою господину Дому допрос с пристрастием. Я потребую, чтобы он признался, где их прячет.

ОДИЛОН. – А если он соврет?

ЛЕОНА (забавляясь). – Он? Зачем? Ему нечего скрывать. У него нет ни воображения, ни силы, ни слабости, чтобы что-то держать в тайне!

ОДИЛОН. – Когда он давал тебе ключи от сейфа, то не предупредил, что там пусто.

ЛЕОНА. – Я у него ничего кроме ключей не просила.

ОДИЛОН. – Как ты это объяснила?

ЛЕОНА (смеется). – Сказала, что если он их потеряет, придется платить мастеру.

ОДИЛОН. – Он мог почувствовать фальшь в твоём голосе.

ЛЕОНА. – Милый, я умею лгать.

ОДИЛОН (рассердившись). – Кто тебя научил?

ЛЕОНА (без колебаний, правдиво). – Господин Дом!.. И ты! (Стоит возле него.) Да, ты!.. Я же тебя люблю?.. Если бы я не следила за своими губами, за своими глазами, об этом знал бы весь мир. Мой голос кричал бы в тишине твое имя, мой взгляд писал бы его в ночи!

ОДИЛОН (внезапно решившись, понижает голос). – Подожди, иди сюда, сядь. (Усаживает ее в кресло и опирается на спинку, позади нее.) Послушай. (Пауза. Она с удивлением оборачивает голову к нему. Он, горячо.) Сейчас!.. Не смотри на меня!.. (Она отворачивается, Он говорит еще тише.) А если он не признается?

ЛЕОНА (с каменным лицом). – Нет!

ОДИЛОН. – Если он откажется говорить?

ЛЕОНА (бурно). – Я хочу уехать! (Затем, самоуверенно.) Думаешь, я не умею заставлять людей делать то что мне нужно, когда захочу? Он попадет в мою ловушку!.. (Ее снова охватывает некоторое беспокойство.) Что такого он может придумать, чтобы отмолчаться? Он должен мне все рассказать: в конце концов, я его жена!

ОДИЛОН. – А вдруг он разорился?

ЛЕОНА (рассмеявшись). - Проиграл?.. Да у него вся жизнь расчерчена по квадратам, черный – белый, как шахматная доска, только она не для игры.

ОДИЛОН. – Или неудачно вложил капитал?

ЛЕОНА. – В нем достаточно жира, чтобы нравиться фортуне. Неудача любит тощих.

ОДИЛОН. – Он богат?

ЛЕОНА. – Хватит на троих.

ОДИЛОН (торопливо, опять понижая голос). – Как-нибудь вечером, во время охоты, я спрячусь с ружьем в карьере и подстерегу его на обратном пути из города...

Леона в ужасе вскакивает. Прижимается к нему.

ЛЕОНА. – Ни слова больше!

ОДИЛОН. – ... если тебе не удастся вырвать у него твою долю!..

ЛЕОНА (рукой закрывает ему рот). – Милый. Ты еще не знаешь, как это опасно! В конце концов, начинаешь невольно следовать сказанному... Молчи, рядом с тобой я боюсь сама себя. Сейчас я способна на все! (Страстно прижимается к нему.) Ты, ты, ты! Ты окажешься в тюрьме, я тоже, - только в другой!

ОДИЛОН. – Все поверят в несчастный случай!

ЛЕОНА (нервно смеется). – Нет, правда, ты само простодушие! Тебя увидят! Ночью в карьер слетаются влюбленные парочки со всей округи.

ОДИЛОН. – Дождливым вечером.

ЛЕОНА (пытаясь освободиться от тревожного чувства). – Дождь погасил бы твой огонь? Видала я под ливнем сплетенные тела, их выдавал пар.

Снова смеется.

ОДИЛОН (ошеломлен). – Где?

ЛЕОНА (которую вопрос застал врасплох, растерявшись). – Где? Во сне, конечно.

ОДИЛОН. – Ты сошла с ума!

ЛЕОНА. – Точнее, мы сойдем!

ОДИЛОН (снова понижая голос). – Я знаю порошок из трав...

ЛЕОНА (умоляюще). – Нет, Одилон!

ОДИЛОН. – ... не останется никаких следов.

ЛЕОНА. – Одилон, пожалуйста, прошу тебя!

ОДИЛОН. – Каждое утро по одной щепотке, всего-то!

ЛЕОНА. – Не искушай меня!

Правая дверь открывается. Появляется Аликс, она тоже не в себе.

АЛИКС. – Господин Дом!

ЛЕОНА. – Что такое?

АЛИКС. – Господин Дом! Господин Дом, он здесь!

Указывает на левую дверь.

ЛЕОНА (в замешательстве). – У себя в комнате? Он вернулся?

АЛИКС. – Только что!

ЛЕОНА. – У тебя с головой совсем беда?

АЛИКС. – Скорее беда на мою голову – он вернулся, я видела!

ЛЕОНА. – Наверно, заболел!

АЛИКС. – Точно заболел, точно! Голова запрокинулась, кожа на лице натянулась как пергамент, усы и брови будто приклеенные.

ЛЕОНА (нетерпеливо). – Маскарад какой-то.

АЛИКС. – Господин Дом! Он приехал на машине, на «нашей» машине, четырехчасовой... Мы не едем?

ЛЕОНА (так же). – Нет! Потом...

АЛИКС. – А по дороге он еще взял с собой доктора и сиделку.

ЛЕОНА (направляется к левой двери). – Доктора? Сиделку? Я иду к нему.

ОДИЛОН (догоняет ее, останавливает и тихо произносит). – Принести тебе порошок?

ЛЕОНА (как о чем-то невероятном). – Что? Как ты сказал?

ОДИЛОН. – Не упускай шанса. Одну щепотку, каждое утро, в микстуру.

ЛЕОНА (возмущенно). – Человек болен!.. Ты готов убить больного! У тебя никакого нравственного чувства. Я буду сидеть у его изголовья, я буду ухаживать за ним – сначала я его вылечу... Подожди пока он встанет на ноги, наберется сил...

ОДИЛОН (в замешательстве, бормочет). – Я тебя не понимаю...

ЛЕОНА (улыбается ему, снисходительно). – Нет, милый!.. Ты!.. (Затем, быстро.) Иди в ту комнату, иди. (Указывает на правую дверь. Он удаляется.) Я к тебе вернусь, с новостями! (Он останавливается на пороге в нерешительности, она посылает ему воздушный поцелуй, с грустной улыбкой.) Иди, бедненький мой... До свиданья, ты!

Он уходит, Аликс бесшумно подходит к ней. Играя с ее медальоном, рассматривает его.

АЛИКС (без всякой интонации). – Тебе грустно?

ЛЕОНА. – Не знаю.

АЛИКС (так же). – Он умрет.

ЛЕОНА (удивленно). – Откуда ты знаешь?

АЛИКС. – Я видела, как они выносят его из машины. Он скоро умрет. У него это на лице написано, тонким почерком.

В проеме двери в глубине сцены появляется Ида, оперев руки в бока, спокойная, улыбающаяся.

ИДА (нежным голосом). – Ну, здравствуй. (Леона и Аликс вздрагивают. Остановившись на пороге, Ида продолжает с улыбкой.) Видишь, дорогуша, я вернулась, как ты просила.

ЛЕОНА (взяла себя в руки, тоже улыбается). – Здравствуй, Ида. Извини, одну минуту... (К Аликс.) Иди помоги его уложить, я сейчас.

АЛИКС (вдруг, упрямо, яростно, глухим голосом). – Нет! Я не хочу, чтобы она тебя трогала! Я ее покусую!

ЛЕОНА (не повышая голоса, так же гневно). – Не вмешивайся! Без тебя знаю, что делать! Иди отсюда!

АЛИКС (сразу размякнув). – Ладно, иду.

Подносит руки к глазам. Плачет.

ЛЕОНА (ласково). – Иди – иди.

Аликс выходит. Леона без колебаний подходит к Иде.

ИДА (кисло-сладко, медленно). – Ты уже закончила наводить красоту?

ЛЕОНА (быстро). – Ты пришла меня бить, так бей! Мне некогда.

ИДА (громко смеется). – Ха-ха! Нашей потаскушке невтерпеж. (Затем) Ты от меня легко не отделаешься, милочка.

ЛЕОНА (по-прежнему шепотом). – Бей!.. Только что привезли больного господина Дома. Он в соседней комнате. Бей, только не кричи!

ИДА (наступая на нее, тогда как она остается на месте). – Ты когда-нибудь жалела, отвечай, жалела когда-нибудь других?

ЛЕОНА. – Никто ничего не знал и ни о чем не догадывался. Только попробуй закричать, сразу уведу твоего мужа обратно.

В то же мгновение Ида со всего маху закатывает ей оплеуху.

ИДА (вне себя). – Шлюха! Захочу, так заору! (С этого момента пощечины сыплются одна за другой. Удары заставляют Леону, отступая, кружить по комнате) Получай!.. Значит, ты его у меня уже уводила! Значит, снова уведешь! Я в тебя вобью твои хотелки, куколка! Думаешь, мы позволим своим мужьям сходить с ума от твоих прелестей!.. Вот тебе, китаянка!

Поняв, что ей не удастся заставить Иду замолчать, Леона принимает решение изменить тактику. Она начинает смеяться как безумная, громко и заливисто. Они говорят одновременно, заглушая звук пощечин.

ЛЕОНА. – Ха! Ха! Ха! Насмешила! Китаянка, говорит!

ИДА. – Смейся, смейся! Скоро заплачешь! На коленях будешь просить прощения, распутница, на карачках будешь ползать! Хочешь ты или нет, а вода у тебя из глаз еще прольется!

ЛЕОНА. – Ха, ха! В жизни не слышала ничего подобного.

ИДА. – А я буду выбивать ударами твои слезы, пока руки у меня не сотрутся как у прачки.

ЛЕОНА. – Ха, ха!..

Правая дверь открывается, и появляется Одилон. От неожиданности обе женщины сразу замирают в напряженных позах.

ОДИЛОН (удивленный). – Что тут у вас?

Глядя на молодого человека, Ида понимает, что он готов вмешаться.

ИДА (быстро взвесив ситуацию, ворчит). – Так, ничего... (Бросает Леоне.) Через неделю продолжим.

Ида выходит, все еще тяжело дыша и отдуваясь. Леона как будто пробуждается ото сна. Она меняет позу, но не может пока освободиться от натянутой улыбки.

ЛЕОНА. – Ты появился так неожиданно, я даже испугалась! (Бежит к входной двери и делает вид, будто зовет Иду.) Ида! (Прикидывается удивленной.) Что случилось? (Одилону.) Что ты ей сделал?

ОДИЛОН (ошеломлен). – Я?

ЛЕОНА. – Да, ты! Видел, каким убийственным взглядом она тебя смерила?

ОДИЛОН. – Да.

ЛЕОНА. – А потом «прощай», и ни одного вежливого слова!.. Когда ты вошел, мы с ней болтали, смеялись, играли как девчонки...

Слева показывается Аликс, делает ей знак.

ОДИЛОН. – Смеялись, в такой момент?

ЛЕОНА (быстро подходя к Аликс, нежно.) – Милый, может, ты думал, что я буду плакать?

Они вместе уходят. Дверь закрывается. На минуту Одилон остается один. Из глубины сцены возникает маленький человечек, кругленький, простоватый, озабоченный: бургомистр.

БУРГОМИСТР. – Приветствую, приветствую! А, это ты, Одилон. Значит, ты уже в курсе. Говорят, господин Дом проехал по деревне на машине, в сопровождении доктора и сиделки. Здесь кто-то заболел?

ОДИЛОН. – Сам господин Дом. Он там, в своей комнате, голова запрокинулась, кожа на лице натянулась как пергамент.

БУРГОМИСТР. – Правда, сам господин Дом?

ОДИЛОН (берет его за руку и, понизив голос, быстро говорит, не отводя взгляда). – Он обречен!

БУРГОМИСТР (вытаращив от удивления глаза). – А?

ОДИЛОН. – Обречен, говорю, никакой надежды. Не сегодня-завтра умрет.

БУРГОМИСТР (глубоко потрясен.) – Какой кошмар!

ОДИЛОН. – Он умирает от коварной болезни, которая разъедает человека изнутри. Человек до самого конца выглядит мощным как глыба, и вдруг, в один прекрасный день, от него не остается ничего прочного, кроме рогов...

БУРГОМИСТР. – Рогов? Каких рогов?

ОДИЛОН. – ...рогового вещества. Ногтей там, мозолей.

БУРГОМИСТР. – Кто это так постановил?

ОДИЛОН (смутившись). – Кто?.. Ну не я же! (Затем.) Доктор, конечно.

БЕЛЬМАС (явившийся с улицы, взволнованный, обеспокоенный). – А, дорогой господин бургомистр, вы уже здесь, значит, это правда!

Горячо пожимают друг другу руки.

БУРГОМИСТР. – Приветствую вас, Бельмас.

БЕЛЬМАС. – Привет, Одилон! Ужасное событие! У меня на глазах в разгар дня распахнулись ставни в домах, и женщины начали кричать друг другу из окон. Я бросился бежать. Крестьяне в полях стояли и смотрели в эту сторону. (Понижает голос.) А что, его бранные останки в самом деле доставили на носилках?

БУРГОМИСТР (с глубоким возмущением). – Когда счастье или несчастье приходит без одежд, его никто не видит. Люди замечают его, только когда разодедут в пух и прах.

БЕЛЬМАС (энергично протестует). – Обижаете, драгоценнейший! Ничего подобного, я только передаю слухи. Дорожный рабочий клянется, что видел похоронную процессию.

БУРГОМИСТР (снисходительно и укоризненно). – А ты и поверил!.. На носилках, подумайте, какие сложности!.. На машине, на машине с четырьмя колесами, друг мой!.. (Одилону, который подтверждает.) Правильно я говорю? И никакие не бранные останки, а тело, можно, конечно, сказать «бранные», но просто тело. (Берет Бельмаса под руку и понижает голос.) Он здесь, уже не встает, кожа на лице натянулась как

пергамент. (Бельмас глубоко удивлен, бургомистр абсолютно убежден) Да-да! (Одилону.) Правильно я говорю? (Тот важно подтверждает. Бургомистр продолжает еще тише.) Все кончено. Не сегодня-завтра он умрет.

БЕЛЬМАС (в ужасе). – Ничего нельзя сделать?

БУРГОМИСТР. – Это такая коварная болезнь... (Входит Тьерри, коренастый, широкоплечий, грубый. Бургомистр замолкает. С чувством пожимает руки Тьерри.) Бедняга Тьерри, прими мои соболезнования, ты друг семьи...

ТЬЕРРИ (категорично). – Не больше, чем Бельмас, но и не меньше.

БЕЛЬМАС (взволнованно). – Да, но... (Затем, быстро.) Тьерри!.. Если вы не против, я буду называть вас Арбюке.

ТЬЕРРИ (грубо). – Мне без разницы.

БЕЛЬМАС. – Ваше имя произносилось сегодня столько раз, что я с ним сроднился; оно меня, в некотором роде, бодрит... Меня зовут Блэз, если мое имя может быть вам приятно. Я придерживаюсь того мнения, что яйцо нужно сразу рассмотреть на свет.

ТЬЕРРИ (подходит к нему, медленно. Резко его обрывает). – В смысле?

Успокоившись, Бельмас поворачивается к Бургомистру и Одилону.

БЕЛЬМАС. – Господа, после короткого разговора мы снова в вашем распоряжении. (Тихо говорит с Тьерри, в то время как Одилон и Бургомистр с любопытством смотрят на них.) Говорят, будто бы вы были любовником госпожи Дом и будто бы теперь я занял ваше место. (Делает вид, будто рассматривает яйцо на свет.) В том что касается вас, юная служанка, Аликс, привела мне убедительные доказательства клеветы.

ТЬЕРРИ (изумленный, с оттенком иронии). – Что?

БЕЛЬМАС (оправдываясь). – Поймите меня правильно. Я употребил слово «клевета» без всякого злого умысла против вас или госпожи Дом. Это выражение означает только отрицание самого факта. Теперь... (Делает вид, будто поднимает яйцо, так что оно оказывается между солнцем и взглядом Тьерри. Можно подумать, будто он поднял руку для принесения присяги.) Торжественно заявляю, что я невиновен в какой-либо преступной связи с Леоной.

ТЬЕРРИ (грубо). – Тем лучше для нее.

БЕЛЬМАС (встревоженно). – В каком смысле?

ТЬЕРРИ. – В прямом, без всякого злого умысла.

БЕЛЬМАС (вздыхает). – Благодарю вас.

Глупо смеется.

ТЬЕРРИ. – Интересно, кто вам такого наплел?

БЕЛЬМАС (желая его успокоить). – Не бойтесь, не чужой вам человек: ваша жена!..

ТЬЕРРИ (приходя в бешенство, стиснув зубы). – Дура! Только и знает что языком трепать!.. Все они одинаковые, отличаются только шляпками да юбками!..

Поворачивается спиной к Бельмасу. Тот его окликает.

БЕЛЬМАС. – Еще на пару слов! (Очень медленно.) Не сочтите меня нескромным после такого заявления. Но знайте, если бы все было не так... то есть, я хочу сказать... если бы Леона выбрала меня по слабости своей и далее по тексту, мне, как истинно благородному человеку, не стыдно было бы соврать, что между нами ничего нет!

ТЬЕРРИ (меряя его взглядом сверху донизу). – Вот теперь я вам верю! (Оставляет его и возвращается к бургомистру. Растерявшийся Бельмас стоит на месте. Голос Тьерри немного дрожит.) Где вдова?

БУРГОМИСТР (воздев руки к небу). – Нет! Не говорите так!

ОДИЛОН (поправляет). – Наследница.

БУРГОМИСТР (возмущенно, Одилону). – Нет! Нет! (Потом вдруг.) Хотя почему нет? Мы можем говорить «наследница» не забегая вперед.

БЕЛЬМАС (берет за руку Тьерри). – Он еще жив, но от этого не легче. (Цитирует.) Он здесь, неподвижный, кожа на лице натянулась...

ОДИЛОН (выдвигаясь вперед). - ... усы и брови будто приклеенные.

БУРГОМИСТР (также выдвигаясь). – Дайте мне сказать!.. Это коварная болезнь...

ТЬЕРРИ (указывая на комнату слева, с волнением). – Она там?

БУРГОМИСТР. – Да. (Поворачиваясь к Одилону, на которого все переводят взгляд.) Правильно я говорю? (Одилон соглашается кивком головы.) Она, должно быть, ужасно несчастна.

ВСЕ МУЖЧИНЫ (хором). – Да.

БЕЛЬМАС (немного понизив голос, слегка поколебавшись). – По правде сказать, смерть господина Дома не такая уж большая потеря, даже для нее.

ВСЕ МУЖЧИНЫ (хором). – Нет.

БУРГОМИСТР (возмущенно). – Мы должны воспользоваться будущим...

ОДИЛОН (вздрагивая). – Будущим? Каким будущим?

Бельмас издает смешок.

БУРГОМИСТР. – Будущим временем или условным наклоением.

ОДИЛОН (вздыхает и улыбается, он понял). – Ну да, конечно..

БЕЛЬМАС. – Простите.

БУРГОМИСТР. – Для общины это «была бы» невосполнимая потеря. Это хозяйство со всеми его обитателями, службами, фермами и землями оплачивает каждый пятый фонарь и значительную часть дороги.

БЕЛЬМАС. – Госпожа Дом наверняка останется с нами!

ОДИЛОН. – Нет, она отправится путешествовать!

ТЬЕРРИ (мрачно). – А вы откуда знаете?

ОДИЛОН (смутившись). – После такого траура... она захочет забыться, развеяться.

БУРГОМИСТР. – Лучше всего «было бы», если бы она снова вышла замуж.

БЕЛЬМАС. – в подобающие сроки.

БУРГОМИСТР. – За кого-нибудь из нашей общины. Она найдет!...

ВСЕ (вместе, кроме Тьерри). – Да.

БУРГОМИСТР. – Она приятная женщина, не старуха, не уродина.

БЕЛЬМАС (с досадой). – Нет, вы слышали? «Не старуха, не уродина». Знаешь что, Бургомистр, даже горшок, горшок, ночной горшок сказал бы о ней лучше, чем ты!

ОДИЛОН (возбужденно). – Точно!

БЕЛЬМАС (присоединяется к Одилону, общий порыв оживляет и сближает их). – Правильно я говорю? Это создание без возраста, вооруженное искусством неотразимого обольщения.

ОДИЛОН. – Да! Ее глаза...

БЕЛЬМАС (подхватывает). – небо и море в одной оправе.

ОДИЛОН. – Да!.. Ее рука...

БЕЛЬМАС. – Нет, не рука, не две руки!.. Десять веретен, ткущих ласки, два букета плавных движений.

ВМЕСТЕ. – Да!

Левая дверь открывается и появляется скромница Аликс. Внезапная тишина. Мужчины тотчас ее окружают. Тихо говорят у порога.

БУРГОМИСТР. – Ну как он?

ОСТАЛЬНЫЕ. – Как?.. Как?

АЛИКС (без модуляций). – Врач говорит, он давно болел, хотя сам об этом не знал. Сердце остановится с минуты на минуту. (Бургомистр издает слабый крик ужаса и закрывает уши руками. Аликс добавляет.) Не шумите!

БЕЛЬМАС. – Он в сознании?

АЛИКС. – Может быть. Он вытянулся, одеревенел, лежит с закрытыми глазами.

ВСЕ (бормочут, по очереди). – Вытянулся... Одеревенел... С закрытыми глазами...

АЛИКС (чуть улыбнувшись, будто от удивления). – Удивительно, он как будто изображает собственную смерть.

ВЗДОХ УЖАСА: О!

АЛИКС (удаляется к правой двери). – Уже очень похоже.

Новый вздох. Затем Бельмас ее окликает.

БЕЛЬМАС. – Аликс!.. Он ничего не сказал? Совсем?

Мужчины снова ее окружают.

АЛИКС. – Как же! Он все время тихонько повторяет: «У меня есть идея... у меня есть идея...»

Замешательство. Аликс выходит. Мужчины недоуменно переглядываются.

ВСЕ (на все лады). – Идея? Идея? Идея?..

БЕЛЬМАС (насмешливо). – Идея господина Дома! Хе, хе, хе! Можете вы себе такое представить?

БУРГОМИСТР. – А вдруг?

БЕЛЬМАС. – Тогда она явно первая и последняя.

БУРГОМИСТР (вздыхает). – К сожалению, приходится признать, что он не принадлежал ни к одному клану, ни к одной группировке...

БЕЛЬМАС. – Ни к одной партии.

ТЬЕРРИ (неожиданно резко). – К вашей уж точно нет.

БЕЛЬМАС (бледнея от гнева). – Да уж точно не к вашей.

ТЬЕРРИ (выходя из себя). – К моей!!!

БЕЛЬМАС. – К моей!!! Старый хрен.

ТЬЕРРИ. – Жук навозный!

БЕЛЬМАС. – Козел вонючий!

ТЬЕРРИ. – Собака переодетая! Свинья ползучая!

БЕЛЬМАС. – Моль ушибленная! Полмикроба!

БУРГОМИСТР (становится между ними, воздев руки к небу, возмущенно). – Господа!!! (Обстановка так накалилась, что бургомистру приходится вмешаться. Он достает из кармана маленький позолоченный колокольчик с тонким пронзительным звуком и бешено трясет им. Этот маленький звуковой душ кажется столь необычным, что чудесным образом успокаивает противников. Они с глупым любопытством смотрят на колокольчик, который бургомистр заворачивает в носовой платок. Бургомистр, доверительным тоном:) Вот, знаете, всегда ношу его с собой. (Затем, пользуясь наступившим покоем. Очень загадочно.) Эта идея господина Дома, вам не кажется, что мы не должны от нее отказываться?

ДРУГИЕ (жадно). – Да!..

БУРГОМИСТР. – Возможно, умирающий боится, что ее похоронят вместе с ним.

ДРУГИЕ. – Да!

БУРГОМИСТР. – Если вы делегируете меня к его одру, я готов быть восприемником его духовного завещания.

Аликс появляется справа и пересекает комнату.

БЕЛЬМАС (горячо одобряет). – Не забудьте о нас двоих! Троиш!

Поскольку Аликс заходит в комнату господина Дома, бургомистр бросается за ней.

В глубине сцены появляется Фели.

Фели – очень красивая молодая женщина лет тридцати. Бледная и дрожащая, она не находит себе места от страшного беспокойства, которое тщетно пытается скрыть.

ФЕЛИ. – Простите... (Трое мужчин ее разглядывают. Заметно, что она не знает, к кому из них обратиться. В конце концов выбирает Одилона.) Здесь живет господин Дом?

ВСЕ (вместе, сразу). – Да!..

Молодая женщина кажется очень взволнованной, почти лишившейся рассудка.

ФЕЛИ (стонет, пораженная). – О! (Садится на край кресла. Ее силы наисходе.) Я не узнаю этого места... хотя... думала, что сроднилась с ним... Я часто заглядывалась... на это здание... когда проходила мимо... И вообще... (Живо изучает взглядом комнату, двери, окна. Показывает на левую дверь с возросшей тревогой.) Это его комната – комната Амедея Дома?

ВСЕ. – Да.

ФЕЛИ (шепчет, с ужасом глядя на дверь). – Там!.. Там!.. За этой дверью.

БЕЛЬМАС (мягко). – Вы его родственница?

ФЕЛИ (Одилону, почти неслышно). – Он болен? (Трое мужчин одновременно утвердительно кивают головами. Она снова спрашивает, с усилием:) Очень болен?

Следует новый кивок.

БЕЛЬМАС (наклонившись к ней). – Значит, вы родственница? (Представляется.) А я Бельмас, Блез, учитель. (Представляет Тьерри.) Тьерри Арбюке, с мельницы Сен-Мишель.

ОДИЛОН (представляется). – Одилон Монаст, с фермы Катр Тру.

ФЕЛИ (поднимает к ним свое расстроенное лицо. Умоляющим тоном.) Я должна его видеть... должна его видеть... Я его спасу...

БЕЛЬМАС (тоже взволнован, мягко, но решительно). – К сожалению, в данный момент это довольно затруднительно...

ФЕЛИ. – Нет, мне надо сейчас! Он меня ждет!.. (Она встает, пошатываясь. Одилон бросается к ней. Она опирается на его руку.) Проводите меня, пожалуйста.

Одилон бросает вопросительный взгляд на мужчин.

БЕЛЬМАС. – Постарайтесь понять, в данный момент...

Он встает между ней и левой дверью, загораживая проход.

ФЕЛИ (делает шаг вперед. Бельмас не отступает). – Прошу вас?.. Он ждет меня, я уверена, он меня зовет.

БЕЛЬМАС. – Нет! Нет! Не в такую торжественную минуту... В данный момент он диктует свое духовное завещание. (Фели в ужасе издает глухой, дикий крик. Оторопев от такого выражения чувств, он тут же поправляется.) Духовное! Слышите, духовное! Это совсем не то!

Дверь комнаты, которую он, казалось, защищал от вторжения, распаивается за ним. Бургомистр медленно выходит, останавливается, приложив палец к губам, чтобы установилось молчание. Затем опускает голову, упирается подбородком в грудь, разводит руками. Его поза означает: «Все кончено!»

ДРУГИЕ (хором).- Что?

Фели издает долгий крик и бросается в комнату.

ФЕЛИ. – Я должна его видеть... Должна...

Она исчезает. Бургомистр крайне удивлен. Он спрашивает, повернувшись к двери.

БУРГОМИСТР. – Кто это?

ОДИЛОН. – Родственница, его родственница.

Бургомистр закрывает дверь.

ТЬЕРРИ. – Ну как там?.. Завещание?

БЕЛЬМАС. – Завещание! Духовное завещание?

БУРГОМИСТР (вздыхает). – Он ничего не сказал.

ПАРОЧКА (хором). – Что?

БУРГОМИСТР. – Ни слова, ни полслова.

ТЬЕРРИ (вдруг угрожающе). – Тогда какого черта ты там делал?

БЕЛЬМАС (разъярен). – Да? Мы поручили тебе миссию...

ТЬЕРРИ. - ...принять его последние слова, а не последний вздох, от которого ты так раздулся!

БУРГОМИСТР (оскорбленно). – Господа!

БЕЛЬМАС. – Что он сказал?

ТЬЕРРИ. – А ну выкладывай, раззява, не тяни. Что он сказал?

БЕЛЬМАС. – Ничего?

БУРГОМИСТР (безнадежно). – Ни звука.

БЕЛЬМАС (тотчас). – Клянись, клянись, клянись! Подними руку!

БУРГОМИСТР (обиженно). – Нет, господа!

БЕЛЬМАС (торжествующе). – Ага!!!

ТЬЕРРИ. – Клянись!

БУРГОМИСТР. – Моего утверждения достаточно. Человек, каковым я имею честь быть, никогда никого не обманывал...

ТЬЕРРИ. – Пока не заявил об этом вслух!

БЕЛЬМАС.- Раз ты уклоняешься от клятвы, значит он что-то сказал. А раз ты молчишь, ясно, что его идея направлена за или против тебя, за или против нас!..

ТЬЕРРИ. – За или против, ты не выйдешь отсюда с этой бомбой.

БУРГОМИСТР. – С какой еще бомбой?

ТЬЕРРИ. – С идеей господина Дома.

Бургомистр испуганно пятится.

БЕЛЬМАС (наступая на него). – Господин Дом без конца твердит: «У меня есть идея, у меня есть идея». Ты на цыпочках пробираешься в его комнату...

ТЬЕРРИ. – И он покойник!

БУРГОМИСТР (на этот раз вне себя). – Вы что, думаете, это я его убил?!

Трое мужчин переглядываются, ошеломленные самими собой и собственной жестокостью.

ВМЕСТЕ (после некоторого размышления). – Нет.

БУРГОМИСТР (очень тихо). – чтобы украсть его идею? Какая-то бессмыслица.

ТЬЕРРИ. – Успел господин Дом что-нибудь рассказать или нет, а опасность остается.

БУРГОМИСТР. – Какая опасность?

БЕЛЬМАС. – В наши времена раздоров и всеобщей смуты, когда все живущие вызывают подозрение, для человека с честолюбием лучше всего говорить от имени усопших. (Поворачивается к Тьерри, дружелюбно.) В этом мы с вами согласны, вы и я...

ТЬЕРРИ (высокомерно). – Вы и я!

БЕЛЬМАС. – Выйдя отсюда, один из нас троих расскажет, что господин Дом в свой последний час, *in extremis*, так сказать, провозгласил идею. Все вокруг тут же заявят, что знают ее, разделятся на сторонников и противников, короче, сделают ее оружием борьбы.

ТЬЕРРИ. – И вы тоже!

БЕЛЬМАС. – Да, и я тоже! (С оттенком декламации.) Раз усопший не может отречься от своих слов, он неоспорим, поэтому предстает человеком без слабостей. Он указывает, он авгур. Когда вы мертвы, это надолго...

БУРГОМИСТР (указывая на комнату Дома, советует). – Тс, тише!

БЕЛЬМАС. – так надолго, что усопший начинает нам казаться носителем векового опыта. Попробуйте превратить молчание бесчисленных гробниц в одно согласное слово, и оно поразит силой и мощью античного хора. Далее по тексту.

БУРГОМИСТР (испуганно). – Давайте лучше поклянемся молчать об этом!

БЕЛЬМАС (снисходительно смеется). – Ха, ха! Я поклянусь, ты поклянешься, он поклянется... И никто не сохранит верность клятве! (Обращаясь к Тьерри, который готов поспорить.) Включая меня! Меня тоже!

ТЬЕРРИ. – Значит, выход один...

Леона выходит из комнаты господина Дома, усталая, взнервленная, обезумевшая от внезапности события. Еще раз оглядывается назад и обращается к свидетелям, не выказывая удивления от того, что увидела их вместе.

ЛЕОНА. – Кто эта женщина?

ОДИЛОН. – Его родственница. (Другим.) Правильно я говорю?

ДРУГИЕ (утвердительно). – Родственница, родственница!

ЛЕОНА (вытирая слезу). – Она плачет! Плачет так заразительно!

БЕЛЬМАС (тронут, мягко). – Да, вода притягивает воду, а слова - слова.

ЛЕОНА (Одилону, дрожа). – Она припала к кровати, зарылась в нее лицом...

Леона садится, прямая, с потерянным взглядом.

БУРГОМИСТР. – Отлично сказано, Бельмас, слова притягивают слова. (С удрученным видом, Леоне.) Дорогая, дражайшая, наидражайшая госпожа... (Другим.) Правильно я говорю? (Они кивают головами.) Я хотел бы поговорить с вами об идее господина Дома... Простите что не ко времени, но нам следует принять меры, иначе другие воспользуются моментом без нашей щепетильности!.. (Бельмас не может удержаться, чтобы не похлопать фразе, но беззвучно. Тьерри, увлеченный, повторяет за ним. Увидев это, бургомистр исполняется гордости и смелеет.) Мысль мертвых – не монета из коллекции нумизмата; это звонкая ходовая монета. Но к сожалению, есть еще фальшивомонетки...

Новые беззвучные аплодисменты.

БЕЛЬМАС (тихо). – Bravo!

БУРГОМИСТР. – Долой фальсификаторов! Пресечем раз и навсегда все интерпретации, расчетливые и нелепые! Но сначала познаем идею! (Новые аплодисменты, которые на этот раз производят легкий шум, как от взмаха крыльев.) А чтобы познать идею, познаем человека!

БЕЛЬМАС И ТЬЕРРИ (вполголоса). – Прекрасно! Прекрасно!

БУРГОМИСТР. – Нет большей опасности, чем слишком долго хранить идею в склепе. (Сбивается, теряется.) Простите, простите, оговорился. Я хотел сказать «в слепке», в слепке с оригинала.

БЕЛЬМАС (восторженно). – Нет, нет, так было гораздо лучше.

ТЬЕРРИ. – Да, да, лучше! В склепе! В склепе!

Гром аплодисментов. Бургомистр кланяется.

БУРГОМИСТР. – хранить идею в склепе!.. Мы будем почтительны и осторожны. Мы учтем прошлое усопшего, его возраст, привычки, становление его характера, его деяния в условиях времени и обстоятельств, его внутреннюю борьбу...

БЕЛЬМАС (восторженно). – И далее по тексту.

Бурные аплодисменты.

БУРГОМИСТР. – Короче говоря, те тайны, которые вы согласитесь нам открыть, окажут неоценимую помощь в осуществлении труда ученых, философов и друзей: воссоздать человека и возродить идею... (Продолжительные аплодисменты. Бургомистр кланяется. Затем подходит к Леоне и продолжает доверительным тоном.) Дорогая госпожа Дом, я на вас рассчитываю... Нет, нет, не сегодня. Сейчас не время.

Мы понимаем, мы разделяем... Завтра... Да, да, завтра... (Искренне склоняется перед ней.) Мы скорбим вместе с вами. (Другим.) Правильно я говорю?

Другие кивают. Бургомистр выходит через наружную дверь, в сопровождении бурно аплодирующих Бельмаса и Тьерри. Один из них закрывает дверь. Одилон тотчас приближается к креслу, где сидит Леона, неподвижная и далекая. Слышала ли она, поняла ли?

ОДИЛОН. – Леона?.. (Он садится рядом с ней, в то же кресло.) Ты свободна! Свободна... Мы уедем!.. Куда ты пропала? Ответь.

ЛЕОНА (смотрит на него с печальной и нежной улыбкой, положив свою руку поверх его руки.) А, это ты!.. Ты!.. Ты!..

ОДИЛОН. – Взгляд у тебя безрадостный.

ЛЕОНА (как безумная). – Нет! Нет! Я не хочу!.. (Она берет его голову руками и погружается взглядом в его глаза. Ее страсть прорывается в торопливых словах.) Вот!.. Смотри!.. Смотри!.. Упрись своим взглядом в мой, надави на него всей тяжестью своего желания!.. Видишь, мой взгляд сильнее. (Нервно смеется.). Я же тебя люблю?

ОДИЛОН (прижимает ее к себе). – Да! Да! Я тебя украду!

ЛЕОНА (несколько лихорадочно, с горящими щеками). – Да, ты, ты, ты меня украдешь!.. Через три дня мы будем в пути. А всем этим людям я скажу, что уезжаю, чтобы спрятать свое горе. (Опять смеется, отрывисто и сухо.) Ты спрашиваешь, кто научил меня лгать. А кто этого требует? Я свободна, свободна, и все-таки должна лгать. Почему? (Затем, более беззаботно, почти весело.) Через три дня! Ты никогда нигде не был?

ОДИЛОН. – Нет!

ЛЕОНА (растрогана). – Ты! Ты! Значит, у меня еще есть что тебе дать – кусочек моего детства. Прощайте! Прощайте! Мы уезжаем!..

ОДИЛОН (удивлен). – Почему ты плачешь?

Ее голос в самом деле постепенно перешел в стон. Она останавливает набежавшую слезу.

ЛЕОНА (улыбаясь, искренне). – Не знаю.

ОДИЛОН (тише). – Ты его не любила?

ЛЕОНА. – Кого?

ОДИЛОН (смущенно, указывая на дверь). – Его...

ЛЕОНА (вздыхает, опускает голову). – Нет.

ОДИЛОН. – Совсем?

ЛЕОНА. – Нет... Может, поэтому я и плачу. (Он явно не понимает.) Если бы я его любила – хоть один день – сегодня! – мне кажется, было бы лучше для нас обоих.

ОДИЛОН (внезапно помрачнев). – Послушай! Не чувствуй себя несчастной. Ты его любишь!

ЛЕОНА (с удивлением). – Нет, правда.

ОДИЛОН (с упрямством, запальчиво). – Любишь, любишь, любишь!.. Лучше я сам буду мучиться, чем смотреть как ты страдаешь.

ЛЕОНА (тронута до слез). – Ты! Милый, нет!.. Я не страдаю, честное слово!..

Она плачет.

ОДИЛОН (безнадежно). – Тогда почему ты все еще плачешь?

ЛЕОНА (рыдает в его руках). – Потому что мне не больно!

В дверях слева возникает Аликс.

АЛИКС (шепотом). – Леона! (Застигнутые врасплох любовники вскакивают. Аликс потрясена.) Знаешь, кто эта женщина, знаешь, знаешь?

ЛЕОНА (не понимая вопроса). – Какая женщина?

АЛИКС. – Та самая, которая кричит и плачет у него в комнате.

ЛЕОНА. – Кричит?

АЛИКС (подчеркивая каждое слово). – Любовница господина Дома.

ЛЕОНА.- Кто?

АЛИКС. – Любовница господина Дома.

ЛЕОНА. – Повтори!

АЛИКС. – Любовница, любовница, любовница!

ЛЕОНА (смеется резким смехом). – Я плакала, оставь меня плакать дальше.

АЛИКС. – Ее зовут Фели.

ЛЕОНА. – Как?

АЛИКС. – Фели.

ЛЕОНА. – Кто тебе сказал?

АЛИКС. – Она сама.

ЛЕОНА. – Она – тебе?

АЛИКС. – Да нет, это она с ним разговаривает, вслух, у нее все мысли только об одном - чтобы он ее услышал.

ЛЕОНА. – Кто услышал?

АЛИКС. – Покойник! Покойник!

ЛЕОНА. – Ты стошла с ума?

АЛИКС. – Она с ним так нянчится, как будто хочет его не то усыпить, не то разбудить.

ЛЕОНА. – Усыпить? Разбудить? Нет, ты точно ненормальная!

АЛИКС. – Она сотворит чудо!.. Она уже пролила больше слез, чем может вместить женщина.

ЛЕОНА (топая ногой по полу, в ярости). – Аликс! Аликс! Приди в себя! Открой глаза! Это тебя нужно разбудить!..

АЛИКС (указывая на дверь). – Сходи, послушай.

ЛЕОНА. – Замолчи! Это неправда! Или я не знала господина Дома!

АЛИКС. – Сходи... услышишь собственными ушами.

ЛЕОНА. – Что она говорит?

АЛИКС. – Они любят друг друга десять лет.

ЛЕОНА. – Это невозможно! Что еще?

АЛИКС. – Сегодня утром, когда он почувствовал себя плохо, послал ей записку, последнюю...

ЛЕОНА. – Дальше, дальше!

АЛИКС. – Я забыла... я была в таком шоке...

ЛЕОНА (к Аликс). – Послушай под дверь! (К Одилону.) Ты тоже! (Они на цыпочках подходят к двери, прислоняют к ней уши. Тишина. У Леоны кончается терпение.) Ну? Что скажете?

ОДИЛОН (шепотом). – Ничего не слышно...

АЛИКС. – Тс...

Она прислушивается. Они прислушиваются. Затем Одилон и Аликс повторяют без всякого выражения слова, которые слышат.

АЛИКС. – Дуду... ласковый мой... котик... бархатный животик...

ЛЕОНА (с гримасой отвращения). – Дальше.

АЛИКС. – Радость моя...

АЛИКС И ОДИЛОН (вместе). – Разлучили...

ОДИЛОН (продолжает один). – Растерзали... наши бедные души, растерзали... в расцвете нашей любви...

АЛИКС И ОДИЛОН (вместе). – Никогда... никогда...

ЛЕОНА (раздраженно). – Дальше.

ОДИЛОН (с нетерпеливым жестом). – Я же не сам придумываю!

АЛИКС (слушает). – Тихо! (Торопливо.) Никто никогда больше не увидит моего лица.

ОДИЛОН И АЛИКС (вместе). – Тебе одному, мой хороший.

ОДИЛОН (продолжает один). – Тебе одному оно будет светить под вуалью, как погребальная лампада.

ОДИЛОН И АЛИКС (вместе). – Любимый, нежность моя, нежность моя к тебе неизбежна, проживи ты еще сто лет, она и тогда бы не иссякла...

АЛИКС (продолжает одна, изменившимся голосом). – А ты взвалил ее на меня одну, на мои слабые плечи, чтобы я несла ее, несла, несла, сколько времени? куда?

Ее внезапно начинают душить слезы.

ЛЕОНА (непреклонно). – Слушай дальше!..

ОДИЛОН. – Отныне вся жизнь, вся моя жизнь будет продолжением, продолжением твоего отсутствия.

ЛЕОНА (гневно). – Не режьте вы фразу как змею на кусочки.

ОДИЛОН. – Это не я.

АЛИКС. – И не я.

ЛЕОНА (задыхаясь, напряженно). – Слушайте, слушайте!

АЛИКС И ОДИЛОН. – Ты мне и отец, и сын!

АЛИКС (одна). – Сокровище мое...

ЛЕОНА. – Не тяни!

АЛИКС. – Возлюбленный мой!

ЛЕОНА. – Ну же, ну!

АЛИКС. – Мое гнездышко.

Они внезапно отворачиваются лицом к двери и плачут. Наконец, прорывается неистовая ярость Леоны. Она быстро меряет комнату шагами.

ЛЕОНА (хриплым, сдавленным голосом). - Притворщик! Подлец!.. Лицемер!.. Дом зарывался в молчание, как сонный краб под камень! Этот гладкий лоб – панцирь!.. И эта его походка боком... Краб! Сонный краб! А она, нет, ты слышал?.. Никогда не думала, что о господине Доме можно так говорить. Ты слышал, она покроет себя вдовьей вуалью – у всех на глазах!.. Она будет носить свой траур на солнце, чтобы тень делала его еще чернее!.. Нет! Гоните! Гоните! Гоните эту гадину!.. Одилон, прогони ее, вон ее!.. А потом поклянитесь мне, вы оба, что она ничего такого не говорила, и что это все ложь, ложь, ложь! (Она замолкает, переводя дух, жестом останавливает Одилона. На выдохе.) Подожди... подожди... (Стоит совершенно прямо, сосредоточившись.) Она сотворит чудо, пусть! Подожди... Я растопчу цветы, которые расцветут от ее слез. Подожди. (Она дрожит, но держит себя в руках.) Нужно ее приручить. А потом... потом... (Она улыбается жуткой угрожающей улыбкой.) Аликс, сходи в комнату, позови ее. Тащи ее сюда! Госпожа Дом желает ее видеть, я желаю с ней говорить.

АЛИКС (вкрадчиво). – Сама сходи в комнату.

ЛЕОНА (быстро, неужели боится?). – Нет, нет! С глазу на глаз! (Аликс уходит. Леона тотчас поворачивается к Одилону, не очень уверенно улыбаясь.) Уже и раскис, дурачок, дал себя обмануть... Разве так говорят о господине Доме? До свиданья! До свиданья! Оставь меня с ней.

Она увлекает его к входной двери.

ОДИЛОН. – До вечера, Леона, увидимся вечером.

ЛЕОНА (загоревшись, как будто готовится взять реванш). – Да, да, да, вечером, да, да, сегодня вечером, здесь! (И вдруг, решительно.) Нет! (Затем бессильно.) Нет, во мне нет ни капли нежности, которую можно было бы дать или принять. Иди. (Вне всякого сомнения, она слышит шаги. Она только и успевает бросить ему с чуть заметной улыбкой.) До свиданья, ты! (Он уходит. Появляется Аликс, поддерживая Фели, которая идет шатаясь, тяжело опустив руки, склонив голову на грудь. Леона быстро подходит к ней и останавливается в трех шагах. Нежным голосом.) Фели!.. (Молодая женщина медленно поднимает голову, будто застыв в своем огромном горе. Леона улыбается ей грустной улыбкой.) Бедная-бедная Фели. (Леона подходит к ней и мягко прижимает к себе, обняв руками. Та прижимается тяжелой головой к плечу Леоны, которая шепчет ей голосом, исполненным жалости.) Да, да, мы будем вспоминать его вместе.

Аликс присутствует при этой сцене.

АКТ ВТОРОЙ

В тех же декорациях, через день утром.

Аликс пересекает комнату, чтобы открыть ставни в глубине сцены.

В тот самый момент, как свет проникает в комнату, за окном внезапно появляется Одилон.

АЛИКС (чуть отпрянув назад). – А, это ты, с утра пораньше! Ну и вид у тебя, будто из-под земли явился. Предупреждать же надо: чихать, плевать, мяукать.

ОДИЛОН. – Я вторую ночь брожу вокруг дома.

АЛИКС. – Почему?

ОДИЛОН. – С той стороны за ставнями горел свет. Кто там не спал?

АЛИКС. – Не я.

ОДИЛОН. – Та женщина?.. (Аликс не отвечает). Леона еще не проснулась?

АЛИКС (идет направо). – Оставь Леону в покое. (Выходит.)

ОДИЛОН (перевесившись через окно в комнату, тщетно ее зовет.) – Аликс! Аликс!.. (Раздосадованный, бормочет.) Скользящая, как угорь! (Забирается через окно, ждет. Аликс возвращается, неся под стеклянной крышкой на деревянной, крытой бархатом подставке, большой букет флердоранжа.) А это еще что?

АЛИКС. – Ветошь. Ее свадебный флердоранж. Хочешь - верь, хочешь – нет, но она родилась девственницей.

ОДИЛОН. – А ты девственницей помрешь.

АЛИКС. – Наверняка, если только у меня не появится других интересов. Крышкуними. Поставь сюда. (Он повинуется. Ставит крышку на столик в центре комнаты.) Спасибо. Теперь возьми букет. Брось его в реку.

ОДИЛОН (с букетом в руке). – Сама брось.

АЛИКС (берет у него букет и бросает в окно.) – Сегодня ты боишься выкинуть в воду какую-то веточку, а позавчера тебе ничего не стоило повалить целое дерево.

ОДИЛОН. – Целое дерево?

АЛИКС. – Вместе с тенью.

ОДИЛОН. – Ты о чем?

АЛИКС (небрежно, ставя крышку обратно на подставку). – Ты, кажется, говорил, что спрячешься в карьере, дождливым вечером, чтобы дожждаться...

ОДИЛОН (испуганно). – Тихо! (Он очень удивлен.) Она все тебе рассказывает?

АЛИКС (просто и спокойно). – Значит, это воспоминание преследует тебя?

ОДИЛОН (резко). – Пожалуй. Как подумаю, что он умер в тот же день... Понятно, когда умирают от выстрела. Но если мысль может убить, это меняет все.

АЛИКС (глядя на него). – Что именно?

ОДИЛОН (смутившись). – Наши отношения.

АЛИКС (удивленно). – С Леоной?

ОДИЛОН (раздраженно). – Да нет же, нет, с мертвыми. (Чтобы сменить тему.) Зачем ты вообще притащила сюда эти цветы?

АЛИКС (на ходу). – Так... уборка...

ОДИЛОН (с облегчением). – Да!.. Наконец-то мы уедем.

АЛИКС. – Та женщина, Фели, остается здесь. Вещи уже перевезли. Надо приготовить комнаты, им и мне.

ОДИЛОН (обеспокоенно). – Зачем вам комнаты, если сегодня вечером мы уедем?

АЛИКС (направляясь к правому выходу). – Жилье меняет кожу...

ОДИЛОН (вдруг разозлившись, догоняет ее, хватая за руки). – Ты... у тебя не улыбка, а щель в копилке!.. (Трясет ее.) Мы что, не едем, говори, мы уже никуда не

едем? (Она медленно притягивает руку, наклоняет голову и вероломно кусает руку юноши. Он кричит от боли и отпускает ее.) Собака бешеная! Еще и кусается!

АЛИКС (на ходу, очень спокойно). – Я ничего не знаю, мое дело выполнить приказание.

ОДИЛОН (в ярости, идет за ней). – Ладно! Тогда я иду к ней! Она мне ответит!

АЛИКС (поворачивается, с порога). – Остынь, дорогой!.. Это пока еще не твой дом.

ОДИЛОН (наклонив голову). – Пусти, а то хуже будет.

АЛИКС (очень мягко). – Я ничего не боюсь. (Одилон бросается к ней, настигает ее, притягивает к себе, с силой трясет, что заставляет ее тут же придумать новый поворот. Она пронзительно кричит.) Господин Дом!.. Господин Дом!..

Одилон снова отпускает ее, в испуге отскакивая в сторону.

ОДИЛОН (глухим голосом). – А? Что? (Она удаляется, как ни в чем не бывало. Он провожает ее взглядом и бормочет.) Настоящий угорь!.. Хуже утря!

Не успевает она выйти, как появляется Леона, бодрая, решительная, в цветном пеньюаре.

ЛЕОНА (приятно удивленная). – А, ты здесь? Здравствуй, ты.

ОДИЛОН (чей гнев прорывается наружу). – Что ты задумала? После всех обещаний, всех расчетов, мы никуда не едем, так? Почему?

ЛЕОНА (секунду посмотрев на него, поворачивается к нему спиной. Обращается к Аликс). – Где она?

АЛИКС. – Поднялась к себе.

ЛЕОНА. – Всю ночь не спала?

АЛИКС. – До самого рассвета. Теперь спит.

ЛЕОНА (ходит туда-сюда, глаза блестят, на губах странная улыбка). – Да, самое горькое горе нуждается в отдыхе!.. А я – сильная, гибкая, бодрая, решительная! Правда, решительная? Ни минуты сна: мои слабые веки не могли удержать ярости моего взгляда!.. Ни разу не сомкнула глаз!.. Вот я какая! А все благодаря ненависти! (Она смеется, и вдруг замечает на камине пустую крышку. Она бледнеет.) Где цветы?

АЛИКС (улыбаясь). – Наверно, уже подплывают к плотине.

ЛЕОНА (в ярости). – К плотине? Ты их выбросила?.. Значит, ты ничего не поняла? У тебя, как у этого (взглядом указывает на Одилона), да, голова опилками набита? К

плотине! Какое теперь значение будет иметь для Фели эта пустая склянка? Зачем мне ее здесь выставлять?.. Найди, слышишь, найди похожий букет, чтобы можно было показывать его под стеклом. Любая старуха прячет такой у себя на чердаке!.. (Аликс плачет, опустив голову. Она собирается уходить. Леона окликает ее.) Стой, подожди, пойдешь позже. (Подходит к Одилону, чуть смягчившись.) А ты, способен ты сейчас слышать кого-нибудь кроме себя?.. Дикарь! (Решительно.) Нет, мы не едем! Пока не едем. (Затем, горячо.) Скоро! Скоро!

ОДИЛОН (мрачно). – Ты надо мной издеваешься?

ЛЕОНА (со всей страстью). – Нет! Я люблю тебя, ты еще узнаешь! Я по-прежнему восхищаюсь тобой! С тех пор как я тебя полюбила, мое желание рисует только твое лицо: твои густые брови, строго очерченные ноздри, твой свежий рот! Как будто оно научилось создавать собственных богов.

Она смеется.

ОДИЛОН (не уступает). – Зачем тебе здесь Аликс?

ЛЕОНА – Следить за дорогой. (Это приказание, которому Аликс подчиняется. Она идет на наблюдательный пункт к окну в глубине сцены.) Нас не должны видеть наедине.

ОДИЛОН. – Раньше ты не была такой осторожной!

ЛЕОНА. – Я не была вдовой! (Снова смеется.) Люди могли думать, что у меня есть свои причины, что мой муж слишком холоден...

ОДИЛОН (резко). – А теперь?

ЛЕОНА - ...или что он смирился со своим поражением. Теперь их мораль требует, чтобы я хранила ему верность, потому что сам он уже за нее не отвечает!

Разражается смехом.

ОДИЛОН (стоя совсем близко к ней, понизив голос, мучаясь). – Ты здесь, твой рот говорит и смеется, но я больше не уверен, что пробовал его жаркую глубину на вкус. Отправь отсюда Аликс, если это был не сон.

ЛЕОНА (резко). – Нет!

ОДИЛОН (надвигается на нее). – Прогони ее, иначе все произойдет прямо при ней!

ЛЕОНА (отступает). – Нет, нет, ни поцелуев, ни прикосновений, ни нежных слов, ни токов во взглядах, ничего размягчающего! Я должна ненавидеть! Ненавидеть!.. Ничего кроме ненависти, чистой, неприкрытой, здоровой как воздух горных ледников.

ОДИЛОН. – Ладно, как скажешь. Нас никогда больше не увидят вместе.

Он устремляется к двери, она бросается ему наперерез.

ЛЕОНА. – Постой!.. Я люблю тебя, дуралей, люблю, непутевый ты мой!.. Нет, это был не сон. Я люблю тебя также сильно, как ненавижу этих двоих, их имена выжжены в моем сердце каленым железом!..

ОДИЛОН (хочет пройти). – Ты одержимая!

ЛЕОНА (со страстной улыбкой на губах). - Да!.. Позволь мне раздвоиться на черную и белую, пока я не возьму реванш!.. Не уходи, глупый!

ОДИЛОН. – А потом? Что ты будешь делать потом?

ЛЕОНА (вдруг успокоившись, просто). – Мы уедем, все вместе, ты, я и Дом.

ОДИЛОН (обеспокоен. Он вдруг усомнился, что Леона находится в здравом уме. Ласково ее спрашивает). – С кем вместе? С кем, Леона, дорогая?

ЛЕОНА. – С Домом.

ОДИЛОН (взволнованно). – С Домом? Интересно, куда?

ЛЕОНА (глядя вдаль). – Куда угодно! В долгое путешествие вместе с ним!

ОДИЛОН (в крайнем волнении). – Аликс!

ЛЕОНА (пожимает плечами, нервно смеется). – Вот дурачок! Нет, я еще не сошла с ума. (Затем глухим голосом, с пугающей силой.) Слушай!.. Он говорил мало, без всякого выражения. Каждый вечер нашей совместной жизни я видела его в одном и том же кресле. Весной отсветы неба дольше всего задерживались на его лбу. По этому лбу можно было определять время не хуже, чем по солнечным часам! (Смеется.) Зимой этот лоб, этот лоб, этот самый лоб поглощал свет ламп и казалось, как матовое стекло, рассеивал его вокруг нас - равномерный, спокойный, доверительный свет! (Вдруг она издает горький стон, такой душераздирающий, как будто ей только что нанесли смертельную рану.) А!!! (Одилон в ужасе. Она успокаивает и удерживает его движением руки. Она задыхается и с трудом берет себя в руки.) Слушай дальше: его благостные руки могли бы успокоить осенний океан!.. Но только не мою плоть! Не мое сердце! Да... Его глаза хранили равнодушную невинность, как монеты в руках менялы! Думаешь, он жил? Он продлевал время, занимал место... (Она больше не может этого вынести. Хрипло кричит.) Ненависть, ненависть, приди ко мне на помощь!

ОДИЛОН (закрывает ей рот рукой). – Не кричи, не кричи, я тебя задушу!

ЛЕОНА (вырвалась, освободилась. Мечется по комнате). – Его молчание сплошь состояло из криков, слишком многочисленных, чтобы их услышать, его неподвижность скрывала возню, заметную только с большой высоты! Подлец!

Обманщик! Предатель! (Снова подходит к Одилону. Она смеется, смеется безжалостно к самой себе. Потом, понизив голос, медленно:) Он там. Он там, неподвижный, непроницаемый, накрепко приклеенный к своим костям. Так вот, он врал мне настолько убедительно, что мне кажется, будто он все еще притворяется.

ОДИЛОН. – Оставь его смерти!

ЛЕОНА. – Смерти? Почему сейчас в нем должно быть меньше жизни, чем раньше, когда он так умело от меня прятался и подсовывал вместо себя манекен?

ОДИЛОН. – Ты тоже ему изменяла.

ЛЕОНА (гневно). – Ты лжешь, каждой клеточкой своего тела!

ОДИЛОН. – Со мной!

ЛЕОНА. – Ты лжешь!.. разве это измена? Я жила без маски! (Торжествующе смеется.) Он – да он же ничего не видел! Я-то думала – не знал, а это было высокомерие, равнодушие, презрение!.. Он ложился рано и сразу начинал храпеть. А я уходила. Я шла под звездами или в тумане, меня лихорадило от тоски, которая на меня нападала не из-за черноты леса и не из-за одиночества полей! Я сама не знала, чего ищу, пока не находила...

Она смеется.

ОДИЛОН (надвигаясь на нее, угрожающе). – Чего?

ЛЕОНА (кричит ему в лицо, страстно). – Мужчину! Мужчину! Мужчину!

ОДИЛОН. – А!

Заносит кулак, чтобы ее ударить.

АЛИКС (от окна, наклонившись к ним, бледная, свистящим голосом). – Давай, ударь, ударь, ударь ее!

Это вмешательство производит обратный эффект. Одилон внезапно останавливается, падает в кресло и замирает, сгорбившись, опустив голову на руки.

ЛЕОНА (разглядывая Аликс, холодно). – Он не нуждается в твоей поддержке.

АЛИКС (быстро подбегает к ней скользящим шагом, потрясенная). – Прости меня, Леона! Прости...

ЛЕОНА (резко, оскорбительно). – Вернись на место! И пусть твоя глупость заткнет уши. (Ее смех ранит. Аликс в страхе отступает. Леона резко наклоняется к креслу, в котором замер Одилон. Она говорит медленно, становится мягче.) Хорошо, я скажу тебе все, если ты меня любишь, то будешь любить еще больше. Думаешь, ты первый

пригвоздил меня к наслаждению? Вожделение во взгляде, в одном только взгляде первого встречного, если он был молодым и сильным, зажигало мою кровь как нефтяной поток! (Она выпрямляется и смеется.) Как только я не спалила все вокруг?! (Отчеканивает слова.) Но я не изменяла мужу. Двери стучали, когда я уходила и когда возвращалась. Интересно, слышал он или нет? Если бы он вышел за мной, я бы даже не оглянулась. Я шла искать...

(Опять ее жуткий смех)

ОДИЛОН (сжав зубы, не открывая лица). – Шлюха!

ЛЕОНА (склонившись к нему, злобно). – Часто я возвращалась под утро, в чулках, промокших от дождя до самых подвязок, или со слоем пыли на спине. Как бы я посмела отрицать? Он – он спал! Его храп, как муха, носился по всем углам дома!

ОДИЛОН (бормочет). – Тварь!

ЛЕОНА. – Но я не изменяла мужу, я ничего не скрывала. Я любила только любовь, без имени и лица. (Ею снова овладевает гнев.) А он любил Фели, Фели и больше никого!.. Да, да, он любил ее тайно! У них были свои нелепые прозвища, у голубков, свои благоглупости, искусственные, как бумажные цветы. «Котик... животик...» Слышал, как она причитала за дверью? Разве так обращаются к господину Дому? И разве так он отвечает? Оказывается, так, так! А я знала только обманщика, предателя, лицемера!

АЛИКС (у окна). – Там бургомистр. Идет в нашу сторону. Наверно, сюда.

ЛЕОНА (продолжает). – Тебя я тоже не любила. Я люблю тебя два дня, всего лишь два дня! Из-за чужих, не наших слов, которые прозвучали как указание. Два дня! (Она распрямляется, победоносно.) Именно так! Я должна была тебя полюбить, для мести мне была необходима именно такая нежность, равная моему омерзению.

ОДИЛОН (вскакивает, бросается к ней). – Леона! Иди ко мне! Давай обнимемся, я все тебе прощу!

ЛЕОНА (тотчас отскакивает, с горькой насмешкой). – Тогда уж и любовь мою прости. За два дня ты не стал ни значительней, ни красивей!

АЛИКС (у окна). – С ним еще двое. Он им указывает на наш дом.

ЛЕОНА. – Кто?

АЛИКС – Бургомистр.

ЛЕОНА (Одилону, почти умоляюще). - Пожалуйста, подожди. Зачем смешивать горькое со сладким. Может быть, завтра... (Она подходит совсем близко к нему и говорит шепотом.) Да, я люблю тебя, это со мной впервые. (Он делает движение, она его останавливает.) Тс!.. (Она широко улыбается.) Слушай меня. Я вырву господина

Дома у Фели. Вырву с корнем из ее сердца, души, памяти!.. Он мой. Я хочу его целиком. Чтобы потом, в свою очередь, изменить ему с тобой, любимый. Изменить! Изменить!

АЛИКС – Бургомистр точно идет к нам.

Леона, взглянув на нее, убегает направо. Она исчезает.

ОДИЛОН (тотчас же, Аликс). – Аликс, прошу тебя, никому ничего не говори.

АЛИКС. – Тебе стыдно, что ты ее любишь?

ОДИЛОН. – Я не хочу, чтобы ее обвиняли. Аликс, она не плохая. Обещай, что будешь молчать, хочешь, попроси у меня чего-нибудь.

АЛИКС (не меняя голоса). – Ты тоже даришь подарки? (Затем.) Ладно. Поцелуй меня.

ОДИЛОН. – Если ты хочешь...

АЛИКС. – Нет, если ты хочешь.

ОДИЛОН. – Да, Аликс, да. Но ты дашь мне клятву, что никому об этом не скажешь.

Он хочет поцеловать ее в щеку. Она уклоняется, смотрит на него, улыбаясь.

АЛИКС (сладко). – Если ты закроешь мне рот поцелуем. (Она приближается к нему, подставляет свои губы. В тот момент, когда он собирается ее поцеловать, она с гримасой отвращения отворачивает лицо, плюет на пол и отходит.) На таких условиях молчать противней, чем говорить!

Она идет открывать входную дверь. Входит бургомистр, одетый в черное, побагровевший, потный, задыхающийся.

БУРГОМИСТР. – Приветствую. Это я. У нас тут случилось одно на редкость неприятное событие. Простите, Одилон, я весь вспотел от волнения. Жаль портить выходной костюм. (Идет к порогу, говорит кому-то невидимому.) Сейчас, сейчас. (Возвращается.) Незабываемое событие!

АЛИКС (мягко). – Пожар в сумасшедшем доме?

БУРГОМИСТР (испуганно). – Не может быть!

АЛИКС. – В больнице, в богадельне, в ратуше?

БУРГОМИСТР (вытаращив глаза).- Что ты, что ты?

АЛИКС. – Ничего, пытаюсь догадаться.

БУРГОМИСТР (возмущенно). – Аликс! (Затем, возбужденно.) Не играй с огнем, девочка, то есть, со словами не играй. Ты не знаешь. А я теперь знаю. Я знаю, что достаточно одной фразы, такой как эта, чтобы вспыхнул реальный пожар – я говорю, реальный! Вот как... (Хочет продолжить, но передумывает, бежит к входной двери.) Эй вы, идите на кухню, вам там нальют. (Возвращается, к Аликс.) Я к тебе отправил двух бродяг, налей им вина. Да не спеши ты, их жажда от этого только увеличится! Госпожа Дом, госпожа вдова Дом уже встала?.. У меня к ней разговор. (Одилону.) А главное...

Входит Леона, серьезная, печальная, вся в черном.

БУРГОМИСТР (поражен). – Здравствуйте, Леона, дорогая, дражайшая... (Одилону.) Правильно я говорю? (Аликс молча выходит через входную дверь. Видно, как она проходит за окном в глубине сцены. На мгновение она останавливается, наклоняется через окно внутрь, и, пока бургомистр говорит, повернувшись к ней спиной, показывает язык ошеломленному Одилону. Затем исчезает. Бургомистр, неуверенно.) Увы! Я к вам с новостью – тяжелой, неприятной, и надо сказать...

ЛЕОНА (с усталым, печальным и покорным жестом). – Мне больше нечего бояться.

БУРГОМИСТР (с заметным облегчением). – Да, конечно! После горя, поразившего вас так несправедливо... Спасибо, вы меня утешили. Мне уже лучше. (Вдруг.) У нас нет факельщиков! (Леона ничего не понимая поворачивает к нему лицо. Он подтверждает.) Нет. И катафалка нет, и могильщиков.

ЛЕОНА. – Как нет?

БУРГОМИСТ. – Нет!

БЕЕЛЬМАС (примчавшись бегом). – Значит, муниципальные служащие бастуют? (Замечает Леону.) О! Простите! (Низко ей кланяется. Затем, проникнутый уважением, мягко ее спрашивает.) Вам уже сообщили?

БУРГОМИСТР (быстро). – Да.

БЕЛЬМАС (успокоившись). – Прекрасно!

БУРГОМИСТР (Леоне). – Я вас предупреждал, опасно было оставлять идею без хозяина. В первый же день появились претенденты!.. Каждый хотел дать ей свое имя, вокруг нее начались диспуты. Господин Дом то черный, то белый, то голубой, то красный.

БЕЛЬМАС (гордо). –Но мы здесь, и не позволим...

БУРГОМИСТР (оскорбленный, тихо). – Лучше молчи, ничтожество!

БЕЛЬМАС (в бешенстве). – Ничтожество! Это кого это ты имел в виду, слепой крот!

БУРГОМИСТР (оглядываясь вокруг, с глубокой укоризной в голосе, бросив указующий взгляд на вдову). – Господа!..

БЕЛЬМАС (шепотом, чтобы успокоиться). – Полный ноль!

БУРГОМИСТР (Леоне). – Старое угасшее соперничество разом проснулось, как от притока жизни. Можно сказать, что господин Дом, умирая, отдал свою кровь...

БЕЛЬМАС. – Да!

БУРГОМИСТР. – В деревнях начались драки! Мы с вами оба совершили ошибки, драгоценнейшая. Моя в том, что будучи свидетелем брожения, которое захватило всю округу, я закричал в толпу: «Это эпидемия!» Да, я произнес слово эпидемия. Оно облетело из уст в уста девять тысяч человек!.. И вот пожалуйста, новая трактовка: разнесся слух, будто господин Дом умер от заразной болезни, вроде чумы или холеры! (Тонем глубокого сочувствия.) Поплачьте, мой бедный друг, поплачьте, не стесняйтесь: горе, как и роды, сложнее выносить без слез. (Леона замирает неподвижно и безучастно.) Ваша ошибка: вчера вы в довершение всего сказали этому...

Указывает на Бельмаса.

БЕЛЬМАС (в ярости) – Этому? Меня зовут Бельмас, тараканье отродье!

БУРГОМИСТР (удивлен, наивно). – Бельмас, тараканье отродье?

Леона закрыла лицо носовым платком – плачет или смеется? Одилон не может удержаться от смеха.

БЕЛЬМАС (кричит). – Я – Бельмас! Это ты – тараканье отродье! (Презрительно пожимает плечами.) Насекомое!

БУРГОМИСТР (оскорблен). – Господа! (Вытирает пот со лба. Затем продолжает.) Простите, Леона... (Продолжает.) От имени и лица покойного господина Дома вы сказали Бельмасу и Тьерри, что они оба правы. Теперь они считают себя претендентами на роль наследника идеи усопшего. (Бельмас соглашается.) Так вот... (Значительно.) ...поскольку Тьерри пророчит грядущую кару небесную: экономический кризис, снижение потребления, сокращение зарплат, - коммунальные служащие под предлогом возможной угрозы инфекции отказываются работать. У нас нет ни факельщиков, ни могильщиков, ни катафалка!

БЕЛЬМАС. – Только покойник.

БУРГОМИСТР (очень довольный собой, Бельмасу). – Но я принял меры. В тюрьме ничего об этом не знают, кажется. Я вытащил оттуда двух заключенных, самых отчаянных. Пообещал им свободу и деньги на первое время, если они отправят покойника в землю на носилках. Они пьют вино на кухне. (Леоне, тоном сожаления.)

Мне тяжело выполнить этот долг. Но чтобы избежать скандала, нужно выйти отсюда, пока все спят!.. Тем более, что многие деревни оспаривают право считаться родиной нашего дорогого усопшего. Он родился в этом доме, никаких сомнений, я проверял. Но кто знает, куда могут завести политические страсти. (Понизив голос.) Так я его забираю?..

ЛЕОНА (пересекает комнату, держа платок у глаз). – Быстрее, быстрее, не тяните!

Леона быстро ходит по комнате. Трое мужчин тянут к ней руки, будто желая помочь, направить, не дать на что-нибудь натолкнуться. Но она садится в кресло, по-прежнему пряча лицо. Бургомистр становится позади нее.

БУРГОМИСТР (наклонившись, взволнованно). – Да, да, я вас понимаю: без похорон, без длинного кортежа, без собрания друзей, - невозможно будет оценить вашу горе по достоинству! (Отодвигается.) Я его забираю. Одилон, ты со мной. (Эта сцена, очень быстрая, закончилась. Нет. На пороге бургомистр спохватывается и возвращается к Бельмасу.) А главное, дорожный рабочий, ну, вы помните, клялся, будто встретил его бранные останки на носилках!

БЕЛЬМАС (поражен). – Действительно, позавчера... Странно!..

БУРГОМИСТР. – Ничего странного!.. Я вспомнил этот бред алкоголика, когда искал крайние средства. Но завтра, кто опровергнет его слова завтра? Вот так все и происходит.

Он быстро выходит, вздев кверху руки, и присоединяется к Одилону, который ждет его снаружи. Они вместе проходят за левым окном. Бельмас замечает, что остался наедине с Леоной. Он в восторге.

БЕЛЬМАС (взволнованно). - Да, да, мы одни!.. Поверить не могу! (Он бросается к Леоне, и, весь дрожа, торопится сказать.) Это я, Блэз, здесь, наедине с тобой, и ты наедине со мной, Леона! В первый раз с того рокового дня, когда ты безжалостно оторвала меня от себя!.. Это не упрек: ты думала, я тебе изменил, и страдала! Бедное сердце, оно страдало!.. Я тоже находился в полнейшем смятении целых два дня. Сколько можно страдать? Ты должна понять: одно только целомудрие не позволило мне тебе написать. Но, в конце концов, Аликс здесь, хотя ты ее выгоняла! Это всего лишь отсрочка, в которой виноваты обстоятельства, или я могу, Леона, могу я сделать из этого вывод, что она меня оправдала, что ты отдала должное моей невинности?

ЛЕОНА (поднимает к нему лицо и печально улыбается). – Ты!..

БЕЛЬМАС (смеясь). – Ни завтра, ни потом! Если я свихнусь, то сейчас! Пусть меня немедленно отправят в дурдом к психам! Я желаю навсегда сойти с ума от этого счастья!

ЛЕОНА. – Не забывайся!

БЕЛЬМАС (внезапно замолкает, замирает, смотрит на нее с упоением). – Леона!

ЛЕОНА. – Не смотри на меня так! Мы должны соблюдать осторожность, во взглядах, в движениях, даже в молчании!

БЕЛЬМАС (ничего не слыша и не понимая). – Леона! Леона! Леона!..

Аликс возвращается из глубины сцены. Леона предоставляет Бельмасу предаваться восторгам, бросается к Аликс, хватая ее за руку, тащит в сторону.

ЛЕОНА (охваченная пугающей радостью). – Я чуть не закричала прямо при них!.. Аликс! Аликс! Какое дикое наслаждение – взять реванш. Никаких похорон. Сегодня утром никто не увидит, как Фели скользит по улице с видом привидения и кусает зубами носовой платок под вуалью!

БЕЛЬМАС (издалека, в экстазе). – Леона!

ЛЕОНА. – Все опоры выбиты. Теперь ее отчаяние обрушится на нее: вязкое, бесформенное, удушливое! Иди, иди к ней, иди, пусть узнает!

Она ведет Аликс к правой двери.

БЕЛЬМАС. – Милый ангел!..

ЛЕОНА (возвратившись после ухода Аликс к Бельмасу). – Друг мой, не будем показывать наши чувства. Сейчас не время для обетов и признаний.

БЕЛЬМАС. – Тогда я признаюсь самому себе. (Другим тоном.) Леона, теперь, когда ты свободна, все местные хлыщи будут просить твоей руки, да, все! И ты этого достойна!

ЛЕОНА. – Спасибо, друг мой.

БЕЛЬМАС. – Я никому не позволю тобой восхищаться без полного восхищения!

ЛЕОНА. – Не преувеличивай!..

БЕЛЬМАС. – Но я...

ЛЕОНА. – Ты, ты!

БЕЛЬМАС. – Я в тебе уверен, сердце мое. Так вот, я был бы недостойн твоего выбора, если бы не вступил в беспощадную борьбу с моими соперниками. В ней тебе откроется мое мужество, моя высокая решимость завоевать тебя...

ЛЕОНА. – Подожди...

БЕЛЬМАС. – Твои самые постоянные поклонники - Одилон и Тьерри... Они меня не волнуют, меня волнует то, что они меня презирают... из-за своего раздутого самомнения.

ЛЕОНА (крайне удивлена) . – Одилон?

БЕЛЬМАС. – Да, да, Одилон. Ты ничего не знаешь: ты такая чистая, скромная, верная!.. Он уже несколько дней крутится вокруг этого дома: весь его мир теперь сосредоточен на твоём зримом облике.

ЛЕОНА (протестует). – О!

БЕЛЬМАС. – Я говорю зримом. Он понятия не имеет о душе. Ни малейшего. В общем, он только прикидывается нежным, насколько я могу судить по его неловким попыткам.

ЛЕОНА. – Кстати, Тьерри женат!

БЕЛЬМАС. – Хм!.. он бы с удовольствием развелся. (Удовлетворенно.) Но я все предусмотрел. Думаешь, господин Дом согласился бы на развод?

ЛЕОНА. – Нет, я живое доказательство.

БЕЛЬМАС (торжествующе). – О! Я так и знал! Спасибо! Я вычеркну этот пункт из конституции и женюсь на тебе. Стоит запретить разводы – и Тьерри конец... Среди новых необходимых гарантий нерасторжимого брака я уж конечно найду какую-нибудь одну, чтобы избавить тебя от Одилона. И женюсь на тебе! (В экзальтации.) Мы вместе будем работать над этим потрясающим произведением! Как палеонтолог по фрагменту кости воссоздает весь скелет мамонта или плезиозавра, так мы по одному только намеку на правдоподобие восстановим живую идею!

ЛЕОНА. – Ты знаешь...

БЕЛЬМАС (увлеченно). – Ты сказала: «Вы оба правы, тот и другой.» Мы оба, Тьерри и я, тут же начали искать точки соприкосновения, сильные и слабые места, и далее по тексту... Мы согласны в определении цели!

ЛЕОНА. – Послушай меня, ты знаешь Фели?

БЕЛЬМАС. – Но роковым образом расходимся в выборе средств...

ЛЕОНА. – ...молодую женщину...

БЕЛЬМАС. – иначе единовластие позволило бы довести дело до конца, но этот подлец не желает соглашаться!.. Теперь все зависит от того, кто из нас двоих окажется большим домистом. Ты мне поможешь!

ЛЕОНА. – Послушай, ты тоже должен мне помочь...

БЕЛЬМАС. – В моем первом отряде уже шестьдесят три активиста.

ЛЕОНА (в ярости). – Блез! Послушай!

БЕЛЬМАС. – Наш символ – Хамелеон! Почему? Потому что...

ЛЕОНА. – Блез! Блез! Блез! Я передумала насчет развода!

Он выходит из экзальтации.

БЕЛЬМАС (испуганно) – Нет, Леона!.. Что ты говоришь?

ЛЕОНА (приблизившись к нему, понизив голос). – Послушай, говорю. Ты видел здесь молодую заплаканную женщину, родственницу моего мужа? Видел, да?

БЕЛЬМАС. – Да.

ЛЕОНА (снова разгневавшись). – Ее горе переходит все границы!..

БЕЛЬМАС (вдруг, чтобы не забыть). – На фоне радуги, Хамелеон!

ЛЕОНА (вне себя). – Идиот!

БЕЛЬМАС (растерявшись). – Леона, прости!

ЛЕОНА. – Ее горе оскорбительно!.. Что скажут люди? Что она плачет слишком много? Нет, что я плачу слишком мало!.. Не могу же я сменить кровь на воду, чтобы поливать ей плакучие ивы!.. Ты сделаешь то что я скажу? Поклянись! (Бельмас отвечает не сразу. Она кричит.) Клянись, клянись, клянись! Иначе ты мне не нужен!

БЕЛЬМАС (тотчас). – Клянусь, я все сделаю!

ЛЕОНА (которая кажется почти веселой). – Из твоего окна видно всю улицу. Займи наблюдательный пост. Каждый раз, как только увидишь, что Фели выходит из дома, отправляйся ей навстречу. (Резко.) Атакуй ее взглядом!.. (Приближается к нему, ласковым голосом.) О! Ты, ты знаешь, я на себе испытала гипнотическое воздействие твоего взгляда, который ощупывает, обволакивает и проникает!

Она нежно воркует.

БЕЛЬМАС (обнадеженный, тихо смеется). – Правда, Леона?

ЛЕОНА (делает вид, что берет себя в руки). – О! Наше время еще не пришло! (Продолжает.) Ты ждешь Фели. Ты смотришь, как она приближается. Смотришь, как она проходит! Она слышит, как замер твой шаг. Она знает, знает, что твой взгляд – стержень ее походки!.. Ты идешь за ней. Она бы хотела остановить покачивание бедер!.. (Нагло смеется в лицо Бельмасу.) Я - я бы виляла бедрами!..

БЕЛЬМАС (воспламенившись, хочет взять ее за руку). – Ты снова со мной!

ЛЕОНА (уклоняется, снова становится резкой). – Ты будешь так делать каждый день, утром, вечером, при каждом удобном случае. (Она понижает голос, оглядывается вокруг.) Даже здесь! Опрокинуть ее любовь к Дому! Пусть чувствует себя загнанной, пойманной, словно павлин под надзором своего глазастого хвоста. (Входит Аликс, Леона, которой не терпится узнать, устремляется к ней.) Ну, рассказывай! Что говорит Фели?

АЛИКС (все еще удивленная). – Она сказала: «Я так и знала.»

ЛЕОНА. – Знала?

АЛИКС. – «Я так и знала, сегодня утро третьего дня.»

Леона замирает, остолбенев. За окном появляется бургомистр. Леона увлекает Аликс налево, садится в кресло, выпрямившись, с отсутствующим видом, служанка становится рядом.

БУРГОМИСТР (входит, с видом скорее удовлетворенным). – Ну вот! Парни унесли наш бесценный груз. Они уже далеко...

БЕЛЬМАС (вдруг замечает на столе стеклянную крышку). – Что это?

ЛЕОНА (смущенно). – Крышка, стеклянная, да... (затем тут же, печально.) Она стояла в комнате Дома. Он смотрел на нее в долгие часы раздумий.

БЕЛЬМАС и БУРГОМИСТР (чрезвычайно заинтересованы). – О! О! Правда?

Они склоняются над предметом с жадным интересом.

ЛЕОНА. – Я уверена, она помогала ему думать.

БЕЛЬМАС и БУРГОМИСТР. – А, да? Да, да? А?..

БЕЛЬМАС (загадочным шепотом). – Да... Точка концентрации мыслей, центр внимания, опора ясновидящих: как яичный белок, кофейная гуща, линии ладони!

БУРГОМИСТР (очень удивленный и немного обеспокоенный). – А?

БЕЛЬМАС. – О! О! О!.. Я так волнуюсь!

Входит Тьерри.

ТЬЕРРИ. – Представьте себе! Прошел слух, будто господина Дома только что видели в Сайи-ле-Буа.

БУРГОМИСТР (взволнованно). – Господина Дома?

ТЬЕРРИ. – Из плоти и крови.

БУРГОМИСТР (возмущенно). – Куда их завело воображение!

БЕЛЬМАС. – В Сайи-ле-Буа?

ТЬЕРРИ. – И в Кремонте, только что.

АЛИКС (просто). – Сегодня утро третьего дня.

ВСЕ (глядя на нее). – Что? Что? Что она говорит?

ЛЕОНА (стоит, очень бледная). – А ты молчи! Глупости, господа!

БЕЛЬМАС. – Умы работают вхолостую, пора их направить в нужное русло.

Он указывает на крышку. Тьерри подходит, смотрит на нее непонимающе.

БУРГОМИСТР (к Тьерри). – Вот тот предмет, на который он смотрел в долгие часы раздумий. (Леоне.) Правильно я говорю?

Все трое склоняются над предметом.

БЕЛЬМАС (загадочно). – Этот предмет как нельзя лучше подходит на роль посредника: его прозрачность привлекает, его форма удерживает. Почти невидимое средоточие уединения и безмолвия.

ТЬЕРРИ (заинтригованно). – Да?

БЕЛЬМАС. – Округлоеместилище гения. Встреча возможных предвидений. В этой стеклянной полусфере отражается целый небосвод. (Воодушевляется, вытягивается.) Господа, перед вами пространство, где вызревала идея. Вот она, ее чистая квинтэссенция, ее хрустальная ось, ее совершенная основа. Вот идеальный улей... и далее по тексту.

БУРГОМИСТР. – А вот, дорогая Леона, постановление, о котором вы меня просили.

Достает из кармана бумагу, разворачивает.

ЛЕОНА (тоже встает, с плохо скрываемой радостью). – Уже напечатали?

БУРГОМИСТР. – Уже расклеили. Скоро оно будет зачитано на площади. (Достает очки.) Прошу внимания!.. Читаю!.. (Торжественно читает, Леона стоит возле него. Мужчины слушают на расстоянии.) Постановление. «Учитывая, что присутствие на кладбище любопытных или равнодушных может помешать свободному изъясвлению скорби, а, следовательно, нанести вред здоровью переживших усопшего.»

БЕЛЬМАС. – Отлично!

БУРГОМИСТР. – Учитывая, с другой стороны, что безмолвие и уединенность места последнего успокоения являются уделом мертвых.»

БЕЛЬМАС. – Bravo!.. Уединенность и безмолвие, в некотором роде, их наследие!

БУРГОМИСТР (покраснев от удовольствия). – «Мы, бургомистр общины, постановляем: Отныне и впредь доступ за священную ограду разрешается исключительно родственникам покойного до второго колена, скорбящим на законных основаниях. Тем самым запрещается пересекать кладбище по пути из одной деревни в другую, допускать детские игры, разорять птичьи гнезда, гулять, отдыхать...»

БЕЛЬМАС. – Преждевременно.

БУРГОМИСТР (изумленно). – А?

БЕЛЬМАС. – Я бы добавил «преждевременно отдыхать». Ну да ладно.

БУРГОМИСТР (Леоне, проникновенно). – Эти меры позволят нашему дорогому другу спокойно насладиться своей печалью.

За окном в глубине сцены появляется Одилон.

ОДИЛОН (кричит). – У меня новость!.. (Все оборачиваются.) Господин Дом был сегодня утром в Вийу, Бовизу и Пране. А теперь он в Терр-Мебле.

Одилон исчезает.

БУРГОМИСТР (оскорблен). – Нет, это кого угодно выведет из себя! (Леона издает крик. Она бледнеет и падает в кресло. Аликс хлопает ее по рукам. Бургомистр указывает на нее другим, тут же столпившимся вокруг.) Вот видите!

АЛИКС (без интонации). – Утро третьего дня.

В глубине сцены появляется Одилон.

БУРГОМИСТР (в ярости). – Да заткнитесь вы со своим экстазом! (Одилону.) Ты тоже, а то сам веришь в чужие бредни и дальше их разносишь.

ОДИЛОН. – Что? Это ваши носильщики надрались в хлам! Если кому чего и могло привидеться, то не мне!

БУРГОМИСТР (к Аликс). – Сколько они выпили?

АЛИКС. – Три литра на троих.

БУРГОМИСТР, ОДИЛОН, БЕЛЬМАС. – На троих? Как на троих? Их было трое?

АЛИКС (просто). – Господин Дом и два оборванца. (Замешательство.) Эти двое, они сами так сказали: «Три литра, по одному на брата.»

Облегчение. Леона полностью пришла в себя.

БУРГОМИСТР (вздыхая). – Ну ладно, ладно, рассказывай.

ОДИЛОН. – Они только вышли отсюда, и сразу пошли не той дорогой. Их обнаружили в Сайи-ле-Буа. Толпа обступила ваших бродяг, а тех качало так, будто на земле поднялся шторм.

БУРГОМИСТР. – Отвыкли в тюрьме от вина.

ОДИЛОН. – По дороге они еще и добавили.

БУРГОМИСТР (в отчаянии). – Я бегу туда. Они его выронят!

ОДИЛОН. – Слишком поздно! Со всех сторон подтянулись отряды. Они взяли носилки, выстроились в почетный эскорт и идут строевым шагом.

БУРГОМИСТР (восторженно). – Это спортсмены! Или спасатели!

ОДИЛОН. – Нет. У одних на эмблеме какой-то морской конек с лапами...

БЕЛЬМАС (перебивает). – Ха, ха! Хамелеон, невежда! (Торжествующе.) Это моя партия!

ОДИЛОН. - ... у других песочные часы.

ТЬЕРРИ (уверенно, радостно). – А это моя!

БЕЛЬМАС (удивлен). – Песочные часы?

ТЬЕРРИ. – Символ власти, про которую никогда не знаешь, откуда её ждать, сверху или снизу. Часы перевернулись, и все!

БЕЛЬМАС (восхищенно). – Вот что, Тьерри! Хотя я и умнее вас, но отдаю должное вашей сообразительности.

БУРГОМИСТР (очень довольный). – Ну, до свиданья, мне пора. После такой выходки придется отправить двух наших негодяев в карцер. (Уходит. В дверях, к Аликс.) А ты, крошка, не рассказывай никому, что Дом выпил свой литр!

Он выходит.

ЛЕОНА (встает, с усталым видом). – Аликс, иди займись делом. Одилон, Бельмас, прогуляйте перед домом, я вас позову. (К Аликс, которая хочет забрать стеклянную

крышку.) Нет! Положи ее здесь и никогда больше к ней не прикасайся. (Остальным.) Оставьте меня с Тьерри.

БЕЛЬМАС (обиженно, смущенно). – С Арбюке!.. С господином Тьерри! Ладно! Идем, Одилон!

Они выходят. Аликс медленно выходит во время следующей сцены. Тьерри становится позади Леоны. Он говорит, почти касаясь ее шеи, глухим, но уже дрожащим от надежды голосом.

ТЬЕРРИ. – Леона, я не ошибся? Ты правда ждала, правда хотела этой минуты близости?

ЛЕОНА (пожимая плечами). – Нет. Да.

ТЬЕРРИ (развернув ее на месте, и взяв за локти, говорит ей в лицо). – Что?

ЛЕОНА (отклонившись назад). – Нет, ты не ошибся! Да, я ждала этого.

ТЬЕРРИ. – Зачем, скажи, зачем?

ЛЕОНА. – Затем!

ТЬЕРРИ. – Затем?

ЛЕОНА (уверенно, как будто дает полное и достаточное объяснение). – Да!!! (Вырывается, поворачивается к нему спиной.) Осторожно!

ТЬЕРРИ (исполненный мрачной радости, стоя за ней.) – Леона! Целый месяц у меня разрывалось сердце!

ЛЕОНА (торопливо.) – Не подходи ко мне, нет, пока нет! Дождемся того дня...

Намеренно резко обрывает.

ТЬЕРРИ. – Договаривай! Какого дня?

ЛЕОНА (со своей широкой двусмысленной улыбкой). – О! Это ты...

ТЬЕРРИ (кричит и бросается к ней). – Леона! (Сжимает ее в объятиях.) Леона!

ЛЕОНА (вне себя). – Это ты!.. Ты!.. (Уклоняется.) Я тебя умоляю. Сейчас не время для обетов и признаний.

Она печально вздыхает.

ТЬЕРРИ. – Хорошо. Только ответь мне на один вопрос. Бельмас поклялся мне, что он не...

Мучается, не решаясь произнести слова.

ЛЕОНА (сухо). – Мой любовник!

ТЬЕРРИ. – Я ему не поверил: а хотел поверить.

ЛЕОНА (с горькой насмешкой). – Что да или что нет?

ТЬЕРРИ. – Леона, не играй словами!

ЛЕОНА. – Вдали от истины слова лгут сами по себе.

ТЬЕРРИ. – Вот я тебя и спрашиваю: кто солгал?

ЛЕОНА (в иступлении). – Я! Я! Я!..

ТЬЕРРИ. – Теперь ты поклянись!

ЛЕОНА (смеется своим обжигающим смехом). – Ты сумасшедший! Кто требует клясться во лжи!

ТЬЕРРИ (глядя на нее с тревогой и обожанием). – Ты все та же.

ЛЕОНА (поворачиваясь к нему лицом. Не обещание ли это?). – Да, да, Тьерри, я все та же. А ты любил бы меня другую?

ТЬЕРРИ (хочет приблизиться к ней. Она ускользает). – Нет, Леона, нет! Теперь ты свободна, и будешь со мной!

ЛЕОНА (сменив тон, очень естественно). – А Ида?

ТЬЕРРИ (убежденно). – По новой конституции бездетная пара через пять лет совместного проживания больше не сможет рассчитывать на защиту закона. У меня нет детей: я женюсь на тебе.

ЛЕОНА (полушепотом). – Господин Дом был против развода.

ТЬЕРРИ. – Такие связи не рвут, их не признают. Я спрашиваю: может ли подобная чета, отвергнутая законом, не имеющая ни потомства, ни достойных интересов, существовать, не покушаясь на общественную нравственность? Я отвечаю: нет! Я не за развод. Где нет брака, там нет развода! Или – что одно и то же – бесплодие, равное смерти, делает развод естественным! И я женюсь на тебе.

ЛЕОНА (нежно). – Не сразу... - твоя жена меня избила.

ТЬЕРРИ (вернувшись на землю). – Ида?

ЛЕОНА (с легкой усмешкой). – А у тебя их две? Тем хуже для меня! Зачем ты рассказал ей о нашей связи?

ТЬЕРРИ (расстроено). – Прости, Леона! Сам не знаю. Я правда это сделал?

ЛЕОНА (смеется). – А кто, твой двойник? Меня-то била она, а не ее двойник, хоть и с удвоенной силой.

ТЬЕРРИ. – Леона, прошу, прости меня.

ЛЕОНА (закрыв глаза, медленно). – Я подставила щеку под ее удары. У нее руки прачки, я надолго запомнила, какие они большие. Она обещала наказывать меня раз в неделю. (Она выпрямляется, с глухой яростью.) Я больше не согласна!

ТЬЕРРИ (теряя спокойствие). – Нет! Нет! Поверь мне, Леона, поверь, я ее остановлю!

ЛЕОНА. – Советами, угрозами?.. (Хищно смеется.) Так она тебя и послушала после твоих признаний. Она знает что ты слаб. Нет! Чтобы у нее не было охоты продолжать, воздай ей: ударом за удар!.. (Внезапно срывается на крик.) Говорю тебе, она десять раз ударила меня по лицу! Говорю тебе, ее ладони умножились в моей душе и трепещут беспрерывно, как ядовитая листва. Ударом за удар! Ударом за удар! Пока дождь ее слез не погасит огонь моего позора!

АЛИКС (появившись справа). – Фели сейчас спустится.

ТЬЕРРИ (в ужасе перед этой разбушевавшейся яростью). – Леона!

Но Леона торопливо хватается его правую руку, прижимается к ней щекой, гладит ей свое лицо.

ЛЕОНА (с глубокой нежной печалью). – До свиданья, ты...

ТЬЕРРИ (окрыленный счастьем). – Да!..

Он уходит. Ушел. Исступление Леоны тотчас переходит все границы.

ЛЕОНА. – Кто сейчас спустится?

АЛИКС. – Фели.

ЛЕОНА (удивленно). – Какая Фели?

АЛИКС (отвечает с опаской). – Любовница господина Дома.

ЛЕОНА. – Повтори!

АЛИКС (быть может, думая, что та сошла с ума). – Любовница господина Дома.

ЛЕОНА (исступленно). – Еще!

АЛИКС. – Любовница, любовница, любовница...

ЛЕОНА (быстро ходит по комнате, встряхивая шевелюрой, с широко открытыми глазами и пылающим лицом). – Я буду беспощадна – ко всем! Трус и подлец Тьерри побьет свою жену!.. Он отплатит ей за все ее оскорбления! А я ласкала руку, которая нанесет удар!

АЛИКС (просто). – Он точно бьет сильнее, чем она.

ЛЕОНА. – Я хочу не просто свести счеты, я хочу воздаяния! Скажи мне, ты слышала его, слышала постановление бургомистра! Фели не попадет на кладбище, клянусь, никогда! Закрой окно! (Аликс повинуется.) Теперь иди, беги! Фели скоро выйдет! Пусть Бельмас дождется ее у дверей и следует за ней по пятам. (Кричит.) Ненависть разрывает меня на части подобно любви!.. (Ее смех бьется как знамя.) Скажи Одилону, что однажды, после всех любовных ран, нас с ним найдут спаянными, скрещенными, зарубцевавшимися в единое существо. Да, я так хочу! Повтори это ему! (Аликс готова выйти, также невозмутимо и медленно. Она окликает ее глухим сдавленным голосом, вся дрожа.) Аликс! Стой! Иди сюда, живо, иди, иди! (Пока та приближается.) Если мой гнев не прорвется наружу, я задохнусь! (Аликс подходит к ней. Она внезапно прижимает ее к себе, грубо целует, затем отталкивает и кричит.) Иди, иди, передай этот поцелуй Одилону! Передай, я приказываю! На улице, ты, при всех: тебе можно! И шепни ему на ухо, что я люблю его, люблю, его, первого и единственного!

Аликс выходит. Леона бросается в кресло и рыдает навзрыд. Справа входит Фели, в глубоком трауре, с откинутой назад вуалью. Ее лицо бледно и серьезно, но на нем нет и следа недавнего отчаяния. Увидев, что Леона плачет, она тут же подходит к ней, и говорит с глубокой нежностью.

ФЕЛИ. – Да, да, плачь. наших двух жизней мало, чтобы воздать ему скорбью за ту радость, которую он нам дарил каждый свой день.

Леона поднимает голову и улыбается ей сквозь слезы.

ЛЕОНА. – Бедная моя бедная, ты не ревнуешь к моему горю?

ФЕЛИ. – Нет, у меня есть свое, поверь. (Немного понизив голос.) Он приходил ко мне во сне живой. Смотрю, а он стоит передо мной, с просветленным лицом. Теперь я знаю, все эти два дня я провела на коленях перед его пустой оболочкой.

ЛЕОНА. – Хочешь, поговорим о нем? Хотя, ты, кажется, собиралась уходить?

ФЕЛИ (тотчас, нежно). – Я пойду позже.

ЛЕОНА (демонстрируя все свое печальное очарование). – Садись поближе. (Фели садится.) Давай расскажем друг другу свои истории любви, как девчонки. Я еще не любовалась тобой вблизи. Знаешь, усталость тебе идет. (Она вздыхает, продолжает.) Ты и тогда не ревновала?

ФЕЛИ (дрожа). – Не говори «тогда»! (Останавливается.) Я с благодарностью принимала его нежность. Он заполнял меня всю без остатка: мне нечего было разделить с другими.

ЛЕОНА (мягко). – Разве что... часы одиночества?

ФЕЛИ. – Пока его не было рядом, мне не хватало времени, чтобы насладиться всеми сокровищами нашей последней встречи.

ЛЕОНА. – Увы! Отныне у тебя будет достаточно времени.

ФЕЛИ. – Нет, не будет! А жить я хочу долго. До сегодняшнего утра я молилась о смерти, а теперь желаю, чтобы мое безнадежное обожание длилось вечно!

ЛЕОНА. – Не стоит, ты его забудешь!

ФЕЛИ. – Сначала я забуду жить!..

ЛЕОНА. – Не стоит! Я не собираюсь хранить ему верность. Только подумай: он останется в том же возрасте, навсегда, вечно молодой покойник. Откроешь ты глаза или закроешь, другим его не увидишь. Представь одну из нас – тебя или меня! – через тридцать лет: беззубый рот, глаза слезятся, и земля, уже земля в складках морщин! (Злобно смеется.) И вот этакая старуха преследует юнца своей жалкой любовью! Он будет чувствовать только стыд и отвращение! (Фели слушает с ужасом. Входит Аликс, пересекает комнату, чтобы выйти справа. Леона тотчас обращается к Аликсу.) Ты доставила мое послание?

АЛИКС (загадочно). – На дом.

ЛЕОНА (сдерживая смех). – Что тебе сказали?

АЛИКС (не меняя тона). – Сказали: «Бедная девочка, ты при всем желании неспособна передать мой ответ.»

Она выходит. Леона разражается неудержимым смехом, таким заразительным, что Фели, сначала удивившись, тоже не может не улыбнуться.

ЛЕОНА. – «Бедная девочка!» «Неспособна»... Конечно, неспособна! «При всем желании»... Бедная девочка... «Передать мой ответ»... Конечно... (Приступ постепенно проходит, она утирает слезы, берет Фели за руки.) Прости меня!.. Смех здесь неуместен! Но если бы ты знала... «Бедная девочка»... Нет!.. (Снова смеется, затем.) У меня нервы на пределе. Видишь, я опять плачу.

ФЕЛИ (снисходительно). – Да, крайности сходятся. (Атмосфера, кажется, разряжается).

ЛЕОНА (почти весело). – Знаешь... Только не смейся надо мной... знаешь, что меня поразило больше всего в последние несколько ночей? Новая плотность тишины, густота мрака: не хватает досадных шумов. (Фели смотрит на нее непонимающе.) Ну да, его шумов. Сколько он их производил!.. Ты - ты не представляешь, каким он был шумным.

ФЕЛИ (почти заинтересовавшись). – Да?

ЛЕОНА. – Да, комнаты сразу показались мне пустыми, нежилимыми... Как он храпит, мой-то, широко так, с присвистом. Спит богатырским сном! (Она действительно смеется, Фели улыбается. Другим тоном.) Как ты с ним познакомилась?

ФЕЛИ (не понимая вопроса). – С кем?

ЛЕОНА. – С твоим.

ФЕЛИ (с некоторым удивлением). – С моим?.. (Затем, смутившись.) Ты правда хочешь знать?...

ЛЕОНА (чарующе и настойчиво). – Да, Фели, прошу тебя!

ФЕЛИ (сначала неуверенно, затем увлечено). – Наши сады находятся рядом... (Леона сразу понимает, делает движение головой но удерживается от того, чтобы прервать ее.) С детства у меня сохранилась привычка лазить по деревьям; воображать в кроне дерева собственный дом из листьев. Я часами мечтала, сидя на верхней развилке веток. Раскачиваясь на ветру, я была Робинзоном, дикаркой, королевой птиц. И вот со своего наблюдательного пункта я замечаю его, по ту сторону стены, прямо у себя под ногами. (Леона снова согласно кивает.) Он склонился над рабочим столом, но время от времени поднимает голову, чтобы мне улыбнуться.

ЛЕОНА. – Сколько тебе тогда было, семнадцать?

ФЕЛИ (краснея). – Да.

ЛЕОНА (приблизившись к ней, с видом сообщницы). – Ты показывала ему свои длинные ноги, признайся, маленькая негодница.

ФЕЛИ (удивленно). – А? Нет. (Думает.) Не знаю... Может быть... В этом возрасте тело жаждет себя показать независимо от нас.

ЛЕОНА (недоверчиво, поощрительно). – Независимо от нас?!

ФЕЛИ. – Да, да. Он говорил: «Мозг думает, сердце бьется, легкие дышат, желудок переваривает без нашего участия. Так почему ты считаешь, что способна управлять своим зверинцем?»

ЛЕОНА (пораженная). – Своим зверинцем?.. (Смеется, как будто приятно поражена.) Фели, своим зверинцем!.. Мой-то, по крайней мере, своим не управляет, о, мой дорогой!.. Представь себе, если он не храпит, то посапывает. Каждый вечер он садится в одно и то же кресло. Он и хотел бы почитать, но чтение быстро его утомляет. Тяжелые веки сдавливают расплывшийся взгляд. Добрый вечер: уже посапывает. Будто пузырьки лопаются на поверхности тишины, признак покоя и уюта. (Последним словам она придает нежную теплоту. Затем смеется.) И урчание в животе! Вся ночная химия тела, которое жаждет себя показать! Ну, продолжай.

ФЕЛИ (опустив взгляд). – Нет...

ЛЕОНА. – Я тебя слушаю. Ты свесилась с дерева, в твоих юбках путается его улыбка.

ФЕЛИ. – Мне стыдно оттого что ты так думаешь о моем нечаянном кокетстве.

ЛЕОНА (с двусмысленной снисходительностью). – О твоих расчетах, признайся! А дальше? (Подходит совсем близко к ней, шепчет.) Ты осмелилась на лучшее, или на худшее? (Пауза. Она не настаивает.) Ладно, потом исповедуешься. Какими были ваши первые слова?

ФЕЛИ (с облегчением, почти счастливая от этого). – «Скажи мне, как тебя зовут, мадемуазель. – Фелиси, но обычно меня называют Фели. – Фели? Фели, твои удлиненные глаза длинней, чем дни в июне, длинней, чем прекрасные воспоминания.»

ЛЕОНА (ошеломленная). – Нет, прямо вот так?

ФЕЛИ. – «Спасибо. – Это я должен сказать тебе спасибо.»

ЛЕОНА (на пределе). – «Длинней, чем дни в июне.» Он?.. Кто угодно, толко не он! У него нет воображения! Он вычитал эту фразу где-нибудь в книге!

ФЕЛИ. – Он придумывает такие фразы, которые могут относиться только ко мне.

ЛЕОНА (опустошенная). – Какие?

ФЕЛИ (вдруг покраснев). – Нет, правда, я не могу...

ЛЕОНА (встает, обходит вокруг нее и, наклонившись, лицом к лицу, вкрадчиво). – В семнадцать лет ты не была такой скромной. (Потихоньку протягивает руки к груди Фели.) Я уверена, ты прячешь его письма в корсаже.

Неожиданно ощупывает ее. Так и есть.

ФЕЛИ (конфузясь, защищается). – Нет! Нет! Не надо!

ЛЕОНА (с медленной и нежной настойчивостью проскальзывает рукой за ее корсаж). – Отчего же?.. Вообрази, он мог писать и мне.

ФЕЛИ (со стоном). – Прошу тебя... (Она вскрикивает и поднимает голову к Леоне. Та тоже вскрикивает одновременно с ней, и, выпрямившись, сосет кончик пальца. В руке она держит два сложенных письма.) Ты вцепилась в меня ногтями...

ЛЕОНА (улыбаясь). – Я укололась! Булавкой, надо полагать... А ты отбивалась!

ФЕЛИ (умоляюще). – Не читай их.

ЛЕОНА (уже сидя и разворачивая одно из писем, предательски). – Дорогая, потом ты прочтешь мои.

Она начинает читать.

ФЕЛИ (чтобы помешать ей, тотчас). – Лучше я сама расскажу: однажды днем мы с ним бегаем по лугу; я его обгоняю, и тогда он кричит: «Так нечестно! Ты не касаешься ногами земли!..»

ЛЕОНА (в замешательстве, подняв голову). – Он с тобой бегают?

ФЕЛИ (почти счастлива). – А потом поясняет: «Ты легче своего платья, оно несло тебя в своих складках».

ЛЕОНА (поочередно читает и говорит). – У моего по утрам неприглядный вид, полы халата вечно расходятся над волосатыми ногами!

ФЕЛИ (смеется, веселится как девочка). – Теперь он забирается со мной на деревья. В лесу Круа Фюльмин, в зарослях дикой вишни, мы играем на то, кому достанется косточка.

Она растерянно замолкает и опускает голову.

ЛЕОНА (подавшись к ней, читая, вкрадчиво). – Скажи, это правда: «Наслаждение любовью...»

ФЕЛИ (замыкаясь, мягко протестуя). – Не надо...

ЛЕОНА. – «Наслаждение любовью долго освещало тебя прощальными лучами. Затем, мало помалу, твое восхищенное лицо погасло. Но твои дивные глаза продолжали хранить за горизонтом почти сомкнутых век грусть поздних сумерек.» (Подняв голову.) Правда? (Фели не отвечает. Леона издает короткий сухой смешок.) Литература! (Дальше читает про себя и спрашивает с видимой небрежностью.) Ты видела как он ест?

ФЕЛИ (удивленно смотрит на нее). – Что?

ЛЕОНА Ты слышала, как он ест?

ФЕЛИ. – Кто?...

ЛЕОНА. – А это! (Читает.) Вчера я шел за тобой по улице из одного только тайного сладострастного желания наблюдать твою походку.

ФЕЛИ (снова умоляет). – Пожалуйста, не надо...

Справа входит Аликс, направляется к двери в глубине сцены. Леона останавливает ее, встает у нее на пути и вслух читает.

ЛЕОНА. – «Морская Венера, твое тело сохранило могучую медлительность и тягучую гибкость беспенных валов.»

ФЕЛИ (стоя, в ужасе восклицает). – О!..

ЛЕОНА. – «Я чувствую себя свободным, как пловец, когда оно несет меня на своих волнах.» О!.. (Безудержно смеется.) Морская Венера! Правда, нелепое выражение? Он, он? Литература! Ты слышала, как он пьет? (Она возвращается к Фели, предупредительная, нежная.) Девочка, ты побледнела и вся дрожишь. На, держи свое сокровище. (Фели берет письма и снова прячет их в корсаж. Леона совсем рядом с ней, очень мягко.) Прости, мне грустно и я больна. (она говорит это очень искренне. Вздыхает. Продолжает.) Так ты видела, как он пьет, как он ест? Как ковыряет в зубах, чистит ногти, десять ногтей, или нет, все двадцать!.. Ты видела, как он зевает, как он спит? (Замолкает. Пауза.) И что? Отвечай.

ФЕЛИ (все еще потрясенная, правдиво). – И что?

ЛЕОНА. – Ничего. (Она становится еще нежнее.) Ты всегда была ему верна?

ФЕЛИ (очень искренне). – Я не понимаю.

ЛЕОНА. – Твое юное тело, то тело, которое жаждет отдаться взглядам независимо от нас, как ты сама сказала, оно никогда ему не изменяло?

ФЕЛИ (все еще ничего не понимая). – Кому?

ЛЕОНА. – А он, между прочим, тебе изменял... Ради собственного удовольствия, милый эгоист!.. Со мной, дорогая, со мной... - что вполне естественно. А ты ему – никогда-никогда, ни разу?

ФЕЛИ (доверчиво смеясь). – А, нет, ни я, ни он, клянусь!

ЛЕОНА (пятится назад, бледнеет, пристально смотрит на Фели). – Фели, мы говорим об одном и том же мужчине?

ФЕЛИ. – Об одном и том же?

ЛЕОНА (со своим ужасным смехом). – Сейчас мы это узнаем! У меня наверху есть его портрет.

ФЕЛИ (тоже встает). – А?

ЛЕОНА. – Хочешь, я тебе его подарю?

ФЕЛИ (с надеждой). – Правда?

ЛЕОНА. – Он там во весь рост, подтянутый, стройный...

ФЕЛИ. – Да!

ЛЕОНА. – ... с широкой улыбкой...

ФЕЛИ (подходит к ней). – Да, да!

ЛЕОНА. - ... и многообещающим взглядом, полным огня. Этот портрет, я отдам его тебе.

ФЕЛИ (опьянев от радости). – Спасибо! Он будет рад! Пойду скажу ему, я быстро. (Она бросается к левой двери, но на пороге отшатывается, будто кто-то толкнул ее прямо в грудь. Она поворачивается, бледная, с безумным взглядом, и кричит во весь голос.) Он умер! (Затем, раздавленная, падает на колени и плачет.) Я забыла... забыла...

В этот момент за окном появляется Ида и заявляет о себе.

ИДА. – Здравьете.

В то же время Аликс заходит через дверь в глубине сцены. Но она появляется слишком поздно.

АЛИКС (пока Ида проходит расстояние от окна до двери). – Она бежала!

ИДА (входит, все еще разгоряченная бегом. Быстрый обмен репликами). – Все, больше на тебя руки не подниму.

ЛЕОНА (сразу принимает вызов). – Интересно, почему?

ИДА. – У меня есть средство ударить тебя посильнее!.. Раз в неделю, как обещано, будешь получать от меня новости... (Смеется.) ...о них!

ЛЕОНА (указывая на сидение). – Присядь.

ИДА (оскорбительным тоном). – Мне и на ногах неплохо.

ЛЕОНА. – Говорят, даже лучше, чем на спине.

ИДА (задетая за живое, в бешенстве). – Говорят! Говорят! Знаешь, как заговорят о тебе, если я что сболтну в деревне? Смеяться будут тебе вслед – сама услышишь! А я

обязательно сболтну – предупреждаю – если только ты еще раз вздумаешь таращиться на Тьерри. Выбери! (Злобно смеется.) Ха-ха! Здорово над тобой подшутил твой благоверный. Я только что узнала: эта городская – совсем не родственница Дома, она его девка!

ЛЕОНА (с пылкой радостью). – Повтори!

ИДА. – Она его шлюха! Это первое.

Слышит ли Фели? Она по-прежнему распростерта возле двери. Видит ли ее Ида? Нет, вне всякого сомнения.

ЛЕОНА (к Алике). – Сними со стены большой портрет, тот, на котором я стою под руку с Домом, в свадебном платье. Я обещала подарить его Фели.

ИДА. – И второе. В прошлом году егерь подал на них в суд за нарушение общественной морали. Этот егерь, между прочим, мой кузен и сам мне все рассказал. Дело замяли, Дом заплатил ему за молчание. Терпение, дорогуща!

«Семнадцатого июня в четыре часа дня мужчина и женщина быстро проследовали в лес Круа Фюльмин со стороны Зеленых ворот. Я удивился, что они как будто боялись опоздать на встречу, тогда как на дороге, которую они выбрали, ничего не было и нет на семь лье вокруг.» Это слова егеря! Сначала он думал, что они заблудились и собирався им помочь, пока не увидел, как они ни с того, ни с сего вдруг остановились в укромном местечке и давай целоваться, да так долго, что потеряли за этим занятием «больше времени, чем выиграли от быстрой ходьбы». Потом они кинулись бежать так же резво, как раньше, чтобы снова остановиться и целоваться еще дольше. Дальше больше, и четвертый поцелуй – он засек по часам – продлился две минуты тридцать шесть секунд. Тут он смекнул, «что вышеуказанные лица торопились куда-то на встречу друг с другом» и взял их под наблюдение. Он не ошибся. В местности под названием «Тополиная лужа» у него на глазах...

В окне появляется Бельмас.

БЕЛЬМАС. – Великолепно!

Он тотчас входит, за ним – Тьерри, бургомистр и Одилон.

БУРГОМИСТР. – Потрясающе!.. Видите, я даже прослезился от восторга!

Они выстраиваются в глубине сцены. Женщины обращают к ним лица, кроме Фели, все такой же удрученной.

БЕЛЬМАС. – Все в порядке!

БУРГОМИСТР. – Отряды домистов доставили этого великого человека к месту последнего успокоения.

БЕЛЬМАС. – Скажите лучше доставили на поле чести!

БУРГОМИСТР. – На поле чести! Там президент их общества призвал в полной тишине: «Амедей-Жак-Луи Дом!»

ТЬЕРРИ. – И могучий голос ответил «Здесь!»

Леона шатается. Аликс тут же оказывается возле нее, чтобы ее поддержать.

ЛЕОНА. – Что?

БЕЛЬМАС. – Президент обратился с торжественным призывом, и все как один мужчины в строю ответили согласным громким хором...

БУРГОМИСТР (призывает). – Амедей-Жак-Луи Дом!

ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ (хором). – Здесь!

БУРГОМИСТР (экзальтированно). – Амедей-Жак-Луи Дом!

ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ. – Здесь!

АКТ ТРЕТИЙ

Другой день, в тех же декорациях.

Одна, с тряпкой в руках, Аликс занимается уборкой комнаты. Она протирает стол, стулья. Вот она возле окна в глубине комнаты. Аликс замечает в стекле свое отражение, подходит к нему, внимательно рассматривает: сначала глаз, так, будто под веко попала соринка, затем лоб, который она морщит, разглаживает и массирует кончиком пальца, наконец, зубы, открыв их во весь оскал.

Укладывая локоны на голове, она пробует сделать новую прическу. Недовольна? Она строит гримасу своему отражению, надолго с ней замирает, затем другую, столь же отвратительную.

Покончив с этим, она пересекает комнату, преувеличенно хромая, безобразно выпятив грудь и зад. Вот и все. Она возвращается к работе, без спешки, рассеянно.

Из глубины сцены появляется Фели. Она сразу отбрасывает назад черную вуаль и показывает восхищенное лицо.

ФЕЛИ (счастливо). – Добрый день, Аликс!.. Добрый день.

АЛИКС. – Хозяйка не с вами?

ФЕЛИ. – Шла за мной. Аликс, посмотрите на меня! Вы больше никогда не увидите меня в слезах.

АЛИКС *(без выражения)*. – Что, слезы кончились?

ФЕЛИ. – Не знаю. Может быть. Если они и остались, то уже не прольются.

АЛИКС *(так же флегматично)*. – Вы их много потратили, и все разом.

ФЕЛИ. – Слишком, слишком все это долго!

АЛИКС *(считая на пальцах, просто констатирует)*. – Утро четвертого дня.

ФЕЛИ *(с легким оттенком сожаления)*. – Действительно, уже четвертого! *(Затем сразу улыбается.)* Небо сегодня легче покрывала, и на сердце у меня снова легко!.. Я так счастлива, что готова вас расцеловать.

АЛИКС. – Кому передать?

ФЕЛИ *(удивленно)*. – Что передать?

АЛИКС *(медленно)*. – Поцелуи. Когда двое целуются через окно, я всегда изображаю стекло.

ФЕЛИ *(смеется)*. – Спасибо, милое дитя, не надо. *(Смеется, поддавшись порыву.)* Свои поцелуи я передаю сама!.. Я счастлива! Счастлива! Вам не понять!.. Чудесный день: цветы горят, как на закате, тень под деревьями усыпана блестками солнца, а в долине я видела рой летучих муравьев в золотом сиянии!.. Этот пейзаж будет заключен в моей душе целиком, как в хрустальном шаре. *(Направляется к левой двери.)* Я ухожу!.. Я хочу бежать через поля и леса, хочу зарыться в благоухающее сено. Я ухожу! Ухожу! Сейчас!.. Немедленно!.. *(На пороге она поворачивается к Аликс, которая смотрит на нее без всякого выражения, застыв неподвижно.)* Знаете, зачем я вернулась?.. Чтобы стать красивой! Накрасить глаза и губы – под вуалью их никто не увидит. Я хочу быть красивой для него. *(Она смеется радостным смехом, ровным и легким.)* Аликс, выберите себе из моих платьев то, которое вам больше к лицу.

Выходит в левую дверь.

АЛИКС *(после долгой паузы, неподвижно глядя на дверь)*. – Каждый хочет сделать мне подарок. Такая у меня судьба.

Внезапно она чуть вскрикивает, быстрым движением задирает юбку и хватая мокрыми пальцами блоху, укусившую ее за ляжку. Она перекатывает насекомое между большим и указательным пальцами, давит его одним ногтем о другой, и вытирает руку о фартук с гримасой отвращения.

Затем снова принимается за работу, спокойная, неспешная. Но постепенно ее движения замедляются, замирают. Она погружается в грезы. И вдруг, запрокинув голову назад, открыв рот, она всхрипывает, как при полоскании горла.

Входная дверь открывается, и появляется Леона. Она нервно откидывает вуаль. Аликс уже подбегает к ней своей скользкой походкой.

ЛЕОНА (*задышающимся шепотом*). – Где она?

АЛИКС (*жестом*). – Там.

ЛЕОНА. – Что она сказала?

АЛИКС (*играя с вуалью Леоны*). – Хотела расцеловать меня от радости.

ЛЕОНА (*отодвигаясь в сторону*). – Могу себе представить!..

АЛИКС (*медленно следуя за нервными перемещениями Леоны*). – Она получает наследство?

ЛЕОНА. – Да!

АЛИКС (*медленно повторяет*). – Ясно. Она мне сказала: «Пойду наведу красоту, накрасю глаза и губы. (*Леона останавливается, пораженная.*) А потом сразу убегу.

ЛЕОНА (*с беспокойством*). – Куда?

АЛИКС. – Покувыркаться в сене.

ЛЕОНА (*в крайнем удивлении*). – Это она пьяна – или ты?

АЛИКС. – Я нет, а про нее ты лучше знаешь. (*Аликс совсем рядом с ней.*) Ты бежала?

ЛЕОНА. – Нет. (*Повернувшись, Леона знаком приказывает снять с нее шляпу и вуаль. Аликс повинуется.*) На мое сердце нападают со всех сторон, оно скачет и бьется бог знает как!.. Одилон не приходил?

АЛИКС. – Ты сама ему запретила.

ЛЕОНА (*с глухой жалобой, лихорадочно*). – Мог бы не подчиняться!.. Мне хочется закрыть ему рот рукой и погрузиться взглядом в его глаза.

АЛИКС (*участливо*). – Ты не спала.

ЛЕОНА (*вдруг решившись*). – Одилон прячется возле дома, не знаю, где именно. Поднимись в мою комнату и помаши из окна платком, он придет, это наш знак. (*Левая дверь открывается, и появляется Фели, напудренная, нарумяненная, но главное,*

излучающая счастье. Аликс останавливается, держа на сжатом кулаке маленькую шляпку Леоны с длинной вуалью.) Аликс! Иди!.. (Аликс уходит.)

ФЕЛИ (с расположением). – Когда я была так накрашена, он говорил: «Ты начертала таинственные письмена.» (Она тихонько смеется.) Я опущу вуаль.

ЛЕОНА (под большим впечатлением). – Куда ты?

ФЕЛИ. – Увидеть краски, вдохнуть ароматы, услышать звуки!.. Сегодня моя душа расширилась, чтобы принять в себя мир и заключить его внутри! (Немного понижает голос.) Есть другие реки, другие листья, другие птицы, но эти – живые!.. В нынешнем утре – прозрачная законченность воспоминаний детства или любви! (Она приближается к Леоны, почти прикоснувшись к ней. Та отступает незаметными движениями. Фели говорит еще тише, доверительно, во власти восторженных эмоций.) Я так сильно ощущаю в себе его присутствие, что мне кажется, будто при помощи пяти моих чувств, обращенных к пейзажу, он, как огромной невидимой рукой, возьмет свою часть этого мира. (Затем она отступает и смеется с нежностью.) Может, я заблуждаюсь? Неважно!.. Сегодня ночью я принесу ему в дар последний прекрасный день на земле.

ЛЕОНА (вздрагивает). – Принесешь куда?

ФЕЛИ (мечтательно). – Не знаю!.. Его зов укажет мне дорогу.

ЛЕОНА (боясь понять.) – Во сне?.. В мечтах?.. (Фели улыбается и отрицательно качает головой. Леоны в ужасном унынии.) Ты хочешь... (Фели прикладывает палец к губам в знак молчания, и утвердительно кивает. Леоны заканчивает, приблизившись к ней, пристально в нее вглядываясь.) себя убить? Ты хочешь убить себя?

ФЕЛИ (очень оживленно, весело, по-дружески). – Тебе ни о чем не придется беспокоиться. Я поселюсь в гостинице. Я оставлю людям достаточно денег, чтобы утешить их после всех хлопот.

ЛЕОНА (вдруг смеется своим жестоким смехом). – Значит, ты думаешь, там снова встречаются!..

ФЕЛИ. – Если любят!.. Расставание – только в смерти любви.

ЛЕОНА. – Отчего ты в этом так уверена, дурочка?

ФЕЛИ (очаровательно, как об очевидном). – А как бы я это знала?

ЛЕОНА (позволяет захлестнуть себя ужасному гневу. Она идет к перепуганной Фели, крича). – Нет, сначала я вырву его у тебя, вырву из твоего сердца... (Но ей удается смирить себя. Она теперь только вздрагивает.) ...это жестокое желание сразить свою молодость в самом цвету!.. (Она уже овладевает собой, тогда как Фели успокаивается.) Ты обещала своему обожанию вечную жизнь!..

ФЕЛИ (которая, конечно, все истолковывает неверно, тронута). – Спасибо, мой друг. Но ты была права: не стоит безобразной старухе преследовать юного возлюбленного своими смехотворными притязаниями!

ЛЕОНА (у которой от гнева выступают слезы). – Ты меня бросаешь...

ФЕЛИ (нежно). – Кто тебе мешает...

ЛЕОНА (прерывает ее). – Фели! Послушай: идея господина Дома распространилась по всей округе, можно сказать, что все взгляды устремлены сюда – подумай, какой может выйти скандал!

ФЕЛИ (значительно). – Прости, я поклялась.

Она вздыхает, затем вздыхает еще раз. Идет к входной двери, открывает ее, останавливается на пороге.

ЛЕОНА (умоляюще). – Фели...

ФЕЛИ (упиваясь светом). – Какой свет! Воздух, как вода в садке, наполнен летучими скользящими движениями. Пока, до встречи!.. (Она делает знак рукой. Затем, прежде чем выйти, смеется с легким весельем возлюбленной, которую ждут.) Мое предпоследнее свидание!

Она исчезает. Леона тотчас бежит к правой двери, открывает ее.

ЛЕОНА (остановившись на пороге). – Ты подслушивала за дверью!

Она делает шаг назад. Появляется Аликс, вид у нее пристыженный.

АЛИКС (извиняясь). – Да, правда, ты мне этого не приказывала.

ЛЕОНА (угрожающе). – Не смей мне хамить! (Затем с горечью.) Конечно, по-твоему, мало на меня навалилось!

АЛИКС (тотчас очутившись возле нее, умоляюще). – Пожалуйста, не ругай меня!

ЛЕОНА (быстро ходит туда-сюда, взгляд устремлен вдаль, размышляет. Ее голос выдает глубокое горе). – Значит, ты слышала!.. Но он-то, он, чем он заслужил подобную пылкость?

АЛИКС (спокойно). – За порогом дома все мужья становятся привлекательными.

ЛЕОНА (расстроено). – Двенадцать часов!.. Она оставила мне всего двенадцать часов на то, чтобы отобрать у нее моего мужа.

АЛИКС. – Однако, наследство получит она?

ЛЕОНА (с резким смехом). - Нет, нет, еще нет! Подожди, вот придут мои мужчины! Ни Тьерри, ни Блэз, ни бургомистр этого не допустят!.. Нет. Как только она узнает, что наследства ей не видать, сразу передумает умирать.

АЛИКС (покорно). – Здесь все шиворот навыворот.

ЛЕОНА. – Ты помахала сверху платком?

АЛИКС. – Нет...

ЛЕОНА (в ярости, наступая на нее). – Почему?

АЛИКС. – Твоей кофточкой!

ЛЕОНА (вне себя, хватая ее за волосы и трясет). – Я не позволю тебе жалить, змея!

АЛИКС. – Я думала, он так быстрее появится. (Входная дверь открывается. Появляется Одилон.) Вот видишь?.. (Леона спешит к нему, долго обнимает, долго целует. Аликс пересекает комнату.) По-моему, лучше закрыть окно.

ЛЕОНА (очень нежно). – И дверь, дверь закрой за собой. (Она увлекает Одилона направо, чтобы снова поцеловать. Аликс выходит. После долгого поцелуя.) Однажды в таком вот поцелуе мы совершим обмен. Я открою глаза, ты будешь мной, я – тобой. (В течение всей этой сцены Аликс видна снаружи, спиной к окошку.) Я слабая, да? Позвала тебя раньше времени.

ОДИЛОН. – Я оставался бы в зарослях без еды и питья столько, сколько нужно, чтобы увидеть твой знак. Я весь как в огне!

ЛЕОНА (прижавшись к нему). – Да, нужно было бы уехать, сегодня вечером, через пару часов, немедленно!

ОДИЛОН (уверенно). – Я видел, как Фели выходила из дома, руки скрещены, вся черная, вроде дымохода. Она медленно шла в мою сторону. Как только она оказалась в тени деревьев и подумала, что осталась одна, тут же отбросила вуаль: она смеялась! Смеялась всем своим накрашенным лицом. А оно было размалевано почище детских рисунков, клянусь!.. Она бегала, танцевала, распахнув руки в своем кукольном трауре, клянусь!.. Леона, Леона, давай уедем! Она его больше не любит! Мы можем ехать!.. Тебя знобит?

ЛЕОНА (прижимаясь к нему, глухим голосом). – Я боюсь.

ОДИЛОН. – Кого, чего?

ЛЕОНА. – Не знаю. Ее меньше, чем других! (Вдруг в порыве протягивает ему руки.) Увези меня!.. Возьми меня за руки и больше не отпускай, выдерни, вытяни меня отсюда, не завтра, не вечером, - сейчас!

ОДИЛОН (хочет взять ее за руки). – Да!!!..

Но она отскакивает назад и горько смеется.

ЛЕОНА. – Нет! Я бы заорала дурным голосом, начала бы цепляться ногами за каждый камень мостовой. Я бы натравила на тебя людей!.. Я хочу и не хочу! (Она уже возле него, охваченная страстью.) Люби меня, слышишь, люби меня вместе с моими недостатками. Твоих я не желаю знать! Может, ты спишь и ешь с открытым ртом? Может, ты чешешься как обезьяна? Мне все равно! Поцелуй меня. (Быстрый поцелуй, затем, спокойнее.) Мы будем есть одну вишенку двумя ртами, пока кому-нибудь из нас не достанется косточка... (Она еще дрожит, оторвавшись от него.) Они сплетают вокруг меня, одну за другой, петли огромной сети.

ОДИЛОН (обеспокоенно, будто сомневаясь в ее здравом уме). – Кто, Леона, дорогая?

ЛЕОНА. – Все! Все!.. (Она вздыхает и объясняет, уже медленнее.) Например, жена нотариуса ничего не пропустила в моей жизни! Она слышала обо мне столько же, сколько я о ней! (Она смеется.) Про нее саму ходят сплетни, про нее тоже. Ее расписывают во всех человеческих тонкостях!.. (Одилон отворачивается.) Ты!.. (Она продолжает.) Знаешь, сегодня утром она явилась ко мне, прямо-таки нашпигованная уважением, и давай вздыхать: «Ваш муж – великий человек!»

ОДИЛОН. – Дом?

ЛЕОНА. – Дом! «Он великий человек, гордитесь! Вам повезло!» Петля! Перед ратушей служащие выстроились по обе стороны крыльца и дружно склонились при моем появлении, будто я жена губернатора! Петля! На улице деревенские впадают в столбняк, когда меня приветствуют! Петля! Петля! (Она подходит к Одилону, исполненная радости и энергии.) Отлично, пусть так, я стану госпожой Дом, я, одна я, и никакая другая!.. Это как новое замужество. (Звучит ее жестокий смех.) О! Мы вместе изменим ему в день свадьбы!.. (Она прижимается к нему.) Наши тела будут двигаться так согласно, что между нами не просочится капля ртути!..

ОДИЛОН (дрожа). – Замолчи, замолчи, пожалей меня!

ЛЕОНА (отстраняясь). – Но сначала нужно помешать Фели отправиться спать с ним сегодня вечером!

ОДИЛОН (оглушен). – Фели?.. Где? С кем?

ЛЕОНА. – С Домом!.. Рядом с ним!..

ОДИЛОН. – Сумасшедшая!

ЛЕОНА (с угрозой). – Подожди, вот придут мои мужчины!.. Они мне помогут отобрать его у нее.

ОДИЛОН (мрачно, пылко). – Лучше бы я его убил своими руками. Тогда бы он умер окончательно и бесповоротно.

ЛЕОНА (чуть понизив голос). – Правда, я должна быть довольна?.. А мне страшно в их петлях!.. Почему? Думаешь, от благоговения и почета невозможно отказаться?.. (Берет себя в руки и торжествует.) Нет-нет, возможно. Чем туже затянется сеть, тем больше окажется дыра!.. (Она подходит к нему, нежная, почти веселая.) Я знаю как это сделать!.. Мы отправимся в лес Круа Фюльмин. Чтобы вызвать у егеря подозрения, мы выберем дорогу, ведущую в никуда!.. И вдруг остановимся для бесконечно долгого поцелуя. Егерь пойдет за нами, и возле тополиной лужи мы дадим ему застать себя врасплох... (Она отворачивается. Смеется ли она? Плачет ли?..) Какой скандал! Я спасена!.. Все кончено... Куда ты меня увезешь?

ОДИЛОН. – В город.

ЛЕОНА (возбужденно). – Да, в город!.. Туда, где высокие дома закрывают солнце, а по вечерам столько света, что не видишь собственной тени!.. Можно забыть самую себя, и жить! (Вдруг легко, весело.) Ты пойдешь за мной по улице?

ОДИЛОН (дурачась). – Зачем?

ЛЕОНА. – Ради удовольствия видеть мою походку!

ОДИЛОН (смеется). – Ребячество какое-то! Собирайся, поехали!

ЛЕОНА (удивленно). – Когда?

ОДИЛОН (рядом с ней, убежденно). – Сейчас! Участия, которое они к тебе проявили, достаточно для твоей мести.

ЛЕОНА (твердо). – Я хочу его целиком.

ОДИЛОН. – Фели больше не станет его у тебя оспаривать, не беспокойся. (Леона горько смеется. Он тоже смеется, как самец.) Я видел ее в лесу: она принесет в своей вуали запах мехов и смол!.. Собирайся!..

ЛЕОНА. – Целиком.

ОДИЛОН (разозлившись). – Хоть раз сделай выбор! Он или я, иначе я буду думать, что ты не любишь ни того, ни другого!

ЛЕОНА (громко смеется). – Четыре дня назад ты так не говорил. «Не чувствуй себя несчастной, - успокаивал ты, - ты любишь его. Да! Ты любишь его, ты его любишь!» (В этот момент Аликс отбивает кончиками пальцев барабанную дробь по стеклу, отчетливо, настоятельно. Леона тотчас прижимается к Одилону, мягкая, вкрадчивая.) Это они, мои союзники!.. Иди, милый, иди в мою комнату, я дам тебе знать, когда пройдет опасность и ты сможешь выйти.

ОДИЛОН (мрачно). – Я больше с места не сдвинусь.

ЛЕОНА (нежнее). – Пока ни на что не надейся!.. Только жди... (Новая барабанная дробь по стеклу. Леона тащит его за собой, открывает правую дверь, за которой прижимается к нему. Виснет на его шее.) Мы срастемся как половинки двойного орехового ядрышка!

ОДИЛОН (взволнованно). – Леона...

ЛЕОНА (с нежным смехом). – и будем вместе так долго, что пауки оплетут нас паутиной! А наши тела сольются так плотно, что любая из их нитей, протянутая между нами, оставит след на наших телах!...

Она снова смеется. В третий раз – барабанная дробь по стеклу. Одилон исчезает. Леона закрывает дверь и замирает, прислонившись к ней. Из глубины сцены входит Аликс, пропускает как всегда подвижного и простоватого бургомистра и несколько напряженных Бельмаса с Тьерри.

ТЬЕРРИ (торжественно). – Амедей-Жак-Луи Дом!

ВСЕ ХОРОМ (громко). – Здесь!

ЛЕОНА. – Спасибо за то, что пришли так быстро... Садитесь.

БЕЛЬМАС. – Благодарю. Мы будем стоять до победы!.. Как солдаты Идеи!..

ЛЕОНА. – Помните, в тот роковой день...

ВСЕ (бормочут). – Да.

ЛЕОНА. – здесь появилась молодая женщина...

ВСЕ. – Да.

ТЬЕРРИ. – Она не родственница Дома.

БУРГОМИСТР (закатывая глаза, шепотом). – Любовница!.. Она его любовница...

БЕЛЬМАС. – Можете кричать во все горло, все равно никого не удивите.

ЛЕОНА (поражена). – Что?

БУРГОМИСТР (кивая головой, печально). – Это неприятное открытие сделали жители городского предместья!

ТЬЕРРИ (бургомистру, грубо). – Не трясси головой как китайский болванчик!.. Кто дал тебе право судить? Дом есть Дом!

БЕЛЬМАС. – Пока еще нет!.. Здесь-то и кроется опасность... (Леоне.) Группа жителей предместья отправилась, как и мы, на поиски идеи и собрала в городе сначала улики, потом новые свидетельства и неизвестные документы.

БУРГОМИСТР (Леоне, шепотом). – Ее зовут Фелиси дез Ешет!..

БЕЛЬМАС. – Тамошние привычки Мэтра, его манеры, вкусы, наконец, выглядят совершенно по-другому.

БУРГОМИСТР (также услужливо). – Но он звал ее Фели!..

БЕЛЬМАС. – Так что доктрина городского комитета диаметрально противоположна нашей, не будучи при этом менее домистской.

БУРГОМИСТР (указывая на стеклянную крышку). – Зато у нас есть вот это!

ТЬЕРРИ. – Если только у них не найдется другая крышка!

БЕЛЬМАС. – Движение противоположной ориентации постепенно захватывает все ближайšie к городу деревни.

ТЬЕРРИ. – Его сторонники уже объединились в отряды в Мелье, в Блик-сюр-л'Асте...

БЕЛЬМАС. – В Карнаве, в Эстуве...

БУРГОМИСТР. – В Сен-Клопене.

БЕЛЬМАС. – Выбор за нами: сдать командование или незамедлительно принять меры. Объединение наших сил дает нам преимущество во времени и в численности. Мы с Тьерри заключили мир... Правильно я говорю?

ТЬЕРРИ (твердо). – Да!

БЕЛЬМАС (нерешительно). – Ценой огромной общей жертвы!.. Да, мучительной жертвы... (Торопливо.) Не волнуйтесь, идея осталась незыблемой, она не продается!.. – жертвы сентиментального характера...

БУРГОМИСТР. – Сентиментального?

БЕЛЬМАС (с пафосом). – Да. Леона, Вам известно, что и он, и я питали к Вам нежные чувства, честолюбивые надежды. Мы оба стремились занять в Вашей жизни место, на котором отныне должна возвышаться только статуя великого человека! (Бургомистр одобряет. Бельмас порывисто.) Я Вас любил, Леона!

ЛЕОНА. Петля!

ТЬЕРРИ (грубо). – Хватит!

БУРГОМИСТР (обеспокоенно). – Закройте двери!

БЕЛЬМАС (ничего не слыша). – Он тоже вас любил!

ТЬЕРРИ. – Хватит, я сказал.

БЕЛЬМАС. – Проникнувшись почти священным благоговением, мы от вас отказываемся.

ЛЕОНА (издевательски смеясь). – Общая жертва, говорите? Не могли же вы жениться на мне оба сразу?

ТЬЕРРИ. – Вы ни одного не оттолкнули.

ЛЕОНА. – Значит, я была предметом вашей сделки? Что ж. Теперь, когда вам многое известно, вы, конечно, думаете, что обманутая жена не так привлекательна.

БЕЛЬМАС (наивно). – Я... Я об этом не думал. (Затем.) Я защищал Идею.

ТЬЕРРИ (мрачно). – И потом, кое-какие взаимные признания...

ЛЕОНА (взрывавшись, прерывает его). – Вы оба солгали! (Она поворачивается к ним спиной и бледная, прямая, заявляет с убежденностью.) Я не изменяла своему мужу.

БУРГОМИСТР (заискивая перед Леоной). – Нет, дорогая, нет дражайшая, вы будете жить здесь, окруженная почетом, как верная хранительница его жилища!.. (как об очевидном.) К тому же господину Дому не изменяют!

ЛЕОНА (сама с собой). – Петля!

ТЬЕРРИ. – К делу! К делу! (Леоне.) Первый успех: городские последователи приняли наши эмблемы. Я не мог отказаться от первоначальной эмблемы, песочных часов, чтобы не вызвать недовольства в своих войсках.

БЕЛЬМАС. – Я тоже – от Хамелеона.

ТЬЕРРИ (Леоне). – Чтобы закрепить союз, мы готовы объединить наши символы. Они дополнили бы друг друга...

БЕЛЬМАС. – Мне не хватало символа длительности...

ТЬЕРРИ. – А мне – изменчивости...

БУРГОМИСТР. – Дорогая госпожа, слово за вами. (Леона не отвечает. Он заключает.) Принято!

БЕЛЬМАС (с энтузиазмом). – Такое красноречивое оружие стоит развернутой программы. Оно действует само по себе!.. Теперь будет легче примирить Дома с Домом!..

Собирается уходить.

ЛЕОНА. – Минуту, прошу вас!.. (Прерывается.) Я вам еще ничего не сказала. Сегодня утром я была у нотариуса, он вскрыл завещание.

ВСЕ ВМЕСТЕ (ошеломлены). – Завещание? Завещание? Существует завещание? (Она подтверждает кивком головы.) Духовное? Духовное завещание?

Они крайне обеспокоены.

БЕЛЬМАС (дрожа). – Существует духовное завещание?

ЛЕОНА. – Нет.

БЕЛЬМАС (успокоенный, удовлетворенный). – Уф! Отлегло!... Спасибо!.. То есть, он положился на нас в деле... Как палеонтолог...

ТЬЕРРИ. – И далее по тексту.

БЕЛЬМАС. –Да!

ЛЕОНА (вдруг). – А наследство получит эта тварь.

ТЬЕРРИ. – Кто?

ЛЕОНА. – Фелиси! Фелиси!

БУРГОМИСТР (объясняет остальным). – Фелиси дез Эшет. (Затем.) А?

Пауза.

ЛЕОНА. – Господин Дом завещал ей место в своем склепе!

ВСЕ (в замешательстве). – Что?

ЛЕОНА. – Господин Дом завещал ей место в своем склепе. (Аликс безудержно смеется. Леона, в ярости, бросает.) А ты вообще не участвуй! (Аликс трясется от беззвучного смеха, спрятав лицо в ладонях. Леона продолжает.) «Я желаю, чтобы Фелиси-Маргарит-Элизабет... - есть и другие имена! – чтобы Фелиси дез Эшетт вечно покоилась рядом со мной, для чего я завещаю, дарю и предоставляю ей в постоянную собственность место в моем склепе на кладбище Бледрю.» Тут я опускаю как и почему.

Посреди всеобщей подавленности снова раздается громкий смех Аликс. Она встает и направляется к двери в глубине.

АЛИКС (обводя всех взглядом). – Ха-ха! Какой подарок!.. (Она плачет от смеха. Выходит через дверь в глубине. Прежде чем ее закрыть, добавляет.) Вот это приглашение! Ха-ха!..

Она исчезает.

БУРГОМИСТР (скромно). – Нужно, чтобы она еще согласилась принять наследство.

ЛЕОНА. – Уже согласилась – письмо у нотариуса! Теперь дело за вами.

БЕЛЬМАС. – Как это?

ЛЕОНА. – Вы допустите подобное святотатство? Я опротестую завещание.

БУРГОМИСТР. – Ваше дело обречено, дорогая. У нас уже были прецеденты. Завещание не может быть оспорено, если оно приравнено к дарственной между живыми и не преследует никакой выгоды.

ЛЕОНА. – Она попадет на кладбище?

БУРГОМИСТР. – Увы!

ЛЕОНА. – Несмотря на ваше постановление? Приступом, штурмуя стены и показывая прохожим свое белье?

БУРГОМИСТР (выпучив глаза). – Как так белье?

БЕЛЬМАС (смеется). – Это всего лишь выражение, зато точное. Bravo!

ТЬЕРРИ (сурово). – У людей не такое богатое воображение.

ЛЕОНА. – Можно и без всякого воображения понять, что это означает потворствовать измене в супружеском доме!

БУРГОМИСТР. – Вряд-ли мы их там за чем-нибудь застукаем. В этом мы бессильны.

ЛЕОНА. – А вдруг выйдет скандал?

БЕЛЬМАС (восторженно). – Нет, не скандал, пример! Это истинно духовное завещание! Вот доказательство посредством Фелиси и Леоны (Громко смеется.) – это просто как А плюс Б – что скоро станет возможным примирить то, что сегодня кажется непримиримым!

Возвращается Аликс, которая медленно идет на свое место.

ЛЕОНА (вдруг наклоняется к ним и понижает голос). – Значит, вы меня бросаете. Ну так радуйтесь: через два дня она займет позицию, которую ей сдала ваша трусость...

БУРГОМИСТР (напуганный также, как и другие). – Что вы говорите?

ЛЕОНА (как будто всех экзаменуя взглядом). – Она хочет покончить с собой сегодня ночью!

Короткая пауза.

БЕЛЬМАС (вдруг начинает смеяться, нежно, взволнованно). – О, благородное, отважное дитя! Уже сегодня ночью. Значит, она действительно заслужила такое гостеприимство!..

БУРГОМИСТР (хотя двери закрыты). – Закройте двери!.. (Шепотом, в страхе.) Может быть, так будет лучше, для вас, для нас и для Идеи. Тс.. Тс.. Согласитесь: одна единственная госпожа Дом, публично признанная, обожаемая, любимая, утешаемая всем миром.

ЛЕОНА (стоящая прямо, бледная, глухим голосом). – Петля! Еще... одна!..

БУРГОМИСТР (громче, улыбаясь, чтобы успокоиться и извиниться). – На самом деле, я за нее не боюсь, это все слова!.. Молодая еще, подождет!.. (Внезапно откланиваясь.) Прощайте, дорогая, я полетел к нашим отрядам.

БЕЛЬМАС (гордо). – Я тоже.

ТЬЕРРИ. – Этот день принесет глубокие изменения. Наши представители вас уведомят.

Все трое кланяются и удаляются. В момент выхода они оборачиваются.

ВСЕ ВМЕСТЕ. – Да здравствует Дом!

Они выходят. Леона остается на месте, лицо и тело абсолютно неподвижны, взгляд пуст. Пауза. Аликс смотрит на нее, сначала с удивлением, затем с беспокойством, встает.

АЛИКС (шепотом). – Леона? (Медленно к ней приближается.) Леона? (Она рядом с ней, все больше и больше беспокоится.) Скажи хоть слово!.. Не позволяй гневу тебя разрушить!.. (Она в ужасе, возвышает голос.) Ты не сдашься! Леона!.. Ну задуши меня, если это тебя спасет! Леона!.. (Внезапно отступает назад.) Мне страшно! (В панике снова отступает.) Леона, я боюсь остаться с тобой и боюсь оставить тебя одну! (По-настоящему кричит.) Леона!

Леона, не сходя с места, медленно говорит ровным, бесцветным голосом.

ЛЕОНА. – Теперь мне остается сделать самое сложное...

АЛИКС (тотчас оказавшись рядом с ней). – Ты плачешь!.. Дождь льется из твоих глаз на каменное лицо!.. (Она достает носовой платок и вытирает ей ручьем льющиеся слезы. Леона не двигается.) Сморщись!.. Зарыдай!

ЛЕОНА. – самое сложное, мне остается захотеть сделать самое сложное.

Аликс вытирает Леоне слезы. Покрывает ей лицо мелкими поцелуями: щеки, губы, веки – легкими прикосновениями, как целуют ребенка.

АЛИКС. – Не думай об этих уродах!.. Они все готовы превратить твои слезы в запанки для манжет!.. И Дома забудь! (Она лукаво улыбается.) Знаешь, он никогда не говорил, что у него есть идея. Я сама это придумала, чтобы посмеяться над ним и над остальными!..

ЛЕОНА (слышит ли она?.. она шепчет). – самое сложное... самое горькое...

АЛИКС (счастливо). – Леона!.. Твои губы снова порозовели.

***1

Дверь в глубине сцены открывается и Ида осторожно просовывает голову.

ИДА (очень вежливо). – Можно войти?

АЛИКС (пылко). – Нет!

ЛЕОНА (внезапно очнувшись, с огромным усилием). – Ну отчего же нет?

АЛИКС (протестует). – Нет, только не это!

Лицо Леоны преобразается, как будто она не просто очнулась, но излечилась и спаслась. К ней возвращается обжигающая улыбка воительницы.

ЛЕОНА (к Аликс, тихо, с нежностью). – Молчи!.. (Иде.) Входи!.. Смелее!.. (Ида входит и закрывает за собой дверь. Ее движения полны робости. Леона отводит Аликс к правой двери.) Попроси Одилона спуститься.

Аликс исчезает. Леона решительно направляется к Иде и останавливается в двух шагах от нее, с вызовом.

ЛЕОНА. – Готовишь новый удар? Давай, мсти, начинай!

ИДА (глядя ей прямо в глаза). – Я хочу попросить у тебя прощения.

ЛЕОНА (ожидая продолжения). – Ну же!..

ИДА. – Прости меня, это все.

ЛЕОНА (удивлена). – А? (Потом.) Эту постыдную выходку заставил тебя совершить Тьерри?

ИДА. – Нет. Мне не стыдно. Я была к тебе несправедлива.

ЛЕОНА (с вызовом). – Что ты задумала? Я жду.

ИДА. – Сегодня утром Тьерри все мне рассказал.

ЛЕОНА (насмешливо). – Прямо все?

ИДА. – Он сказал: «Я любил Леону великой безнадежной любовью.» (Леона, которая улыбалась, отвернувшись в сторону, вдруг поворачивается лицом и больше не улыбается.) Он был болен, он не видел и не слышал ничего кроме тебя. (Мрачнеет, твердо.) А ночью в моей постели, со мной, был как памятник отсутствию. И днем тоже! (Она вздыхает.) Тогда в день признаний он меня обманул. Нет, не из этой их кобелиной гордости. Он думал, что я буду больше ревновать к его сердцу, чем ко всему остальному!.. Может, оно и так. Это смотря в какой момент. (Смеется, открыто смотрит на Леону.) Теперь-то я знаю, что он не был твоим любовником, вот и пришла попросить прощения. (Опускает голову и говорит с усилием.) А пощечины, он мне их все отсчитал... (Затем, скинув груз.) Но я не жалею, после тех пощечин между ним и мной все изменилось. Хочешь, давай помиримся?

Пауза. Затем раздается горький смех Леоны. Она стремительно ходит туда-сюда по комнате.

ЛЕОНА. – Петля за петлей, я не свободна!.. Нет, нет! (Она останавливается, как раз напротив Иды.) Вот мои щеки. Бей! Ну, ударь меня! Я заслужила! Это сегодня он тебя обманул, твой Тьерри. Бей!..

ИДА (в ярости). – Ты врешь!

ЛЕОНА (потеряв контроль, задыхаясь). – Бей: он не вернет тебе удары, клянусь! Сожми кулак: разбей этот рот, в который он проникал до самых кишечков!

ИДА (смеется нехорошим смехом). – Ты хочешь отомстить за Дома!..

ЛЕОНА. – Раздави грудь, которая набухла от его прикосновений, бедра, которые подминало его желание.

ИДА (замахивается, но берет себя в руки и поворачивается к ней спиной, собираясь уходить). – Ха!.. Не получишь ты от меня этой радости!.. Отыгрывайся на ком-нибудь другом!..

ЛЕОНА (идет за ней). – Бей! Бей! Бей!

ИДА (в дверях). – Обманщица!.. Подлая обманщица!..

Ида исчезает.

ЛЕОНА (стоя на пороге, зовет ее). – Ида!.. Ида!..

***2

Справа появляется Одилон. Он тотчас подходит к Леоне, которая нежно ему улыбается.

ОДИЛОН. - Я уснул там наверху, в твоей постели.

ЛЕОНА (мягко, нежно). – У тебя веки припухли ото сна. Ты слишком устал. Иди сюда. (Она медленно ведет его налево, к креслу, идя рядом с ним, обняв его за талию и положив руку ему на бедро. Она останавливается на полпути, с закрытыми глазами.) Твои движения под моей рукой одновременно волнуют мне душу, и сердце, и плоть. Иди сюда. (Она делает три шага, с закрытыми глазами, снова останавливается.) Упругая игра мускулов!.. Я закрываю глаза, касаюсь тебя и вижу, как начинается восхитительный танец. Я прислушиваюсь: танец сочиняет музыку. Прислушиваюсь внимательней: музыка сочиняет слова! (Она открывает глаза и тихонько смеется.) Ты ничего не говоришь, но вот она, твоя прекрасная, стройная речь!.. (Она внезапно бросается к нему, увлеченная страстью.) Ты! Ты убеждаешь без слов! (Целует его в губы, затем продолжает.) Ты! Кто способен перед тобой устоять? (Она заставляет его сесть в кресло и упирается коленом в сидение, наклонившись к нему.) Скажи! Кто способен тебе сопротивляться? Ответь! Никто!

ОДИЛОН. – Ты, в числе многих других!.. Ты, ты мне сопротивляешься!..

ЛЕОНА (влюбленно смеется). – О! Только до сегодняшнего вечера!..

ОДИЛОН (воспламеняясь). – Значит, сегодня вечером?

ЛЕОНА (пылко). – Да, да, сегодня вечером. Если ты хочешь. А ты хочешь?

ОДИЛОН (прижимая ее к себе). – Леона! Прекрати свои игры!..

ЛЕОНА (пронзительно вскрикнув). – О!.. (Он разжимает объятия.) Чудовище! Сжал меня изо всех сил, мне же больно! (Но она уже прижалась к нему, обольстительно усевшись на подлокотник кресла.) Милое чудовище!.. Нет, ни одна не устоит перед тобой!.. Достаточно посмотреть на твой рот со сложенными в улыбку уголками губ, даже когда ты не улыбаешься, и она погибла. Неизвестно, почему. Но погибла!.. Кто она? Да любая! Хочешь увезти меня сегодня вечером?

ОДИЛОН (хочет ее схватить. Она ускользает). – Наконец-то! Пожалуйста, давай уедем прямо сейчас.

ЛЕОНА (снова овладела собой, стоящая прямо, решительная, определенная). – Поклянись, что слепо выполнишь то что я скажу.

ОДИЛОН (тоже встает, запальчиво). – Нет! Что ты еще затеяла?

ЛЕОНА (живо). – Ты меня не любишь! Нет! Не возражай!.. Ты думаешь что-то доказать, грубо сжимая меня в объятиях, пока я не выдохну последний пузырек воздуха? Думаешь что-то доказать, поглощая взглядом и поцелуями мои глаза как навозных мух, мой рот как горький перец, чтобы разжечь в себе желание... (Она нервно смеется.) Когда наступает время любви, бык преследует свою тень, пес катается по ковру, кот трется о мебель!.. (Она подходит к нему, более мягко, более настойчиво.) Поклянись!

ОДИЛОН. – Нет! Нет! Нет!

ЛЕОНА. – Поклянись!

ОДИЛОН. – Скажи мне, чего ты хочешь, и я отвечу, да или нет.

ЛЕОНА (разразившись яростью.) – Поклянись!.. Иначе я уеду одна и навсегда!.. Поклянись, и если ты не сдержишь своей клятвы, и если я отрекусь от своих слов, пусть моя кровь поднимется разом, повернет вспять и отравит меня!

ОДИЛОН (запальчиво). – Нет!

Дверь открывается. Справа появляется Аликс.

ЛЕОНА (бледная от гнева). – А ты что тут делаешь?.. Иди отсюда!.. Вон пошла! Что тебе нужно?

АЛИКС (спокойно). – Мне скучно наверху. (Леона бросает на нее такой суровый взгляд, что она тут же отскакивает в испуге и исчезает.) Вот!..

ЛЕОНА (возвращается к Одилону). – Ну?

ОДИЛОН (поколебавшись). – Сначала скажи.

ЛЕОНА. – Сначала поклянись. И ты сдержишь слово, иначе я буду выходить тебе навстречу, искать тебя на улице, приставать к тебе всюду, у всех на глазах, ради удовольствия сказать тебе нет!

ОДИЛОН (хватает ее за руку). – Тогда я сверну тебе шею! (Ей так больно, что она кричит. Он вне себя.) Леона, прости! Я клянусь!

ЛЕОНА сразу прижавшись к нему, дрожа). – Правда? Безоговорочно?

ОДИЛОН (побежден). – Да.

ЛЕОНА (в бурном порыве). – Обними меня! (Она надолго застывает, прижавшись к нему, спрятав лицо. Наконец, отрывается от него. Она плачет и тихо, нежно жалуется.) Мой милый! Зачем ты согласился?

ОДИЛОН (потрясен). – Не плачь!.. Я все могу стерпеть от тебя, кроме слез!

ЛЕОНА. – Если бы ты только знал!.. Я поставила на карту свою жизнь, чтобы ты согласился, а хотела, чтобы ты отказался.

ОДИЛОН. – У тебя еще есть время: освободи меня от клятвы.

ЛЕОНА (живо, с испугом и отчаянием). – Слишком поздно, слишком поздно! Ставки сделаны. (Она отходит от него, собирается с силами, ясно улыбается.) Теперь я могу спокойно мучить себя, однажды мои страдания будут вознаграждены. (Она смеется сквозь слезы.) Видишь, я уже не плачу, я просто рассеиваю брызги, легко, как птичка во время купания! (Она возвращается к нему, останавливается, смотрит на него, молчит. Берет его голову руками, притягивает к себе.) Слушай!

Шепчет ему на ухо.

ОДИЛОН (чье лицо выражает удивление, возмущение). – О!.. (Затем.) Ты сумасшедшая!

Она оставляет его, ходит по комнате, оживленная, радостная, торжествующая.

ЛЕОНА. – Она думает умереть сегодня ночью, она больше не боится ни себя самой, ни кого бы то ни было. Она вернется из леса – как ты сказал – с запахом мехов и смол в складках юбки. Она погибла! Кто устоит перед тобой?

ОДИЛОН (без гнева, уверенно). – Она, Фелиси, к счастью!..

ЛЕОНА (смеется). – Нет, нет! Тебе не нужно будет ничего говорить, прижми ее к себе, вдруг. Она услышит внутри самой себя слова, которые никто никогда не умел ей сказать! (Она смеется громче.) От слов к музыке, от музыки к танцу!.. Всего два слова, повторяемые без конца: «Я тебя люблю, я потерял голову!»

Она смеется еще громче.

ОДИЛОН (тоже смеется, нервно). – Говорю тебе, ты сумасшедшая!

ЛЕОНА (уже резко). – Нужно, чтобы у тебя получилось!.. Малейший знак согласия с ее стороны, и их прошлое похоронит ее под своими обломками! (Она прижалась к нему, говорит тише.) Когда она почувствует, как твой властный взгляд раздвигает ее взгляд, твои губы впиваются в ее губы, - ее кровь, вся ее кровь выплеснется на тебя грязной кляксой! (Она снова смеется.) Я тебя знаю! Я знаю нас!

ОДИЛОН. – Нет! Ты не знаешь ее!..

ЛЕОНА (громко смеется). - У нее в груди бьется сердце! (От отчаяния ее снова охватывает гнев.) Я знаю, тебе не понять моей тоски. Ты мужчина до мозга костей!.. Ладно, слушай (она отчеканивает слова): Дом приберег ей славное местечко у себя под боком!.. Если ты ему не помешаешь, то сегодня вечером, завтра, через пару дней она

уляжется рядом с ним у всех на виду. А меня высмеют на площади! По крайней мере это унижение ты можешь понять, скажи, дурачок? Это унижение, в отличие от других унижений, ты можешь увидеть и потрогать, оно из мрамора и железа, и отбрасывает тень на землю!..

ОДИЛОН (злобно, мрачно). – Оставь их, пусть спят, мы спать не будем! Он спит слоновьим сном!

ЛЕОНА (внезапно остановившись). – Кто?

ОДИЛОН. – Дом.

ЛЕОНА (агрессивно). – Кто это сказал?

ОДИЛОН. – Ты сама!

ЛЕОНА (волнуясь, дрожа). – Неправда! А ты, как ты спишь? Я тебя уже спрашивала! На спине, с открытым ртом.

Она злобно смеется.

ОДИЛОН (задет). – Ты говорила: «Его храп, как муха, носился по всем углам дома!»

ЛЕОНА. – Нет!

ОДИЛОН. – «У него не было ни воображения...»

ЛЕОНА (с горячей улыбкой на губах). – «У тебя тело морской Венеры!.. Я чувствую себя свободным, как пловец, когда оно несет меня на своих волнах!»

ОДИЛОН (терзаемый ревностью). – «...ни силы, ни слабости, чтобы что-то скрывать.»

ЛЕОНА. – «Оно мчит по траве!»

ОДИЛОН. – Ты говорила: «Он продлевал время, занимал место!»

ЛЕОНА (подозрительно). – Ты это к чему?

ОДИЛОН (понижив голос, оглядываясь вокруг, с испугом). – Ты хотела его убить!..

ЛЕОНА (кричит). – Неправда! Ты лжешь!

ОДИЛОН. – Ты еще сказала: «Не искушай меня!..»

ЛЕОНА. – Я так сказала? Возможно, я хотела успокоить твою ревность и отвести удар! (Она оказывается возле окна. Издаёт горестный возглас.) Фелиси!.. Уже!.. (Она бросается к нему, понижает голос, пылкая, страстная.) Если ты не удержишь ее сегодня, то потом, в твоих объятиях, я буду мстить им, и мое желание будет рисовать

его – знай это - (она отсттупает к правой двери) его я буду тайно вообразать на твоём месте. (Возвращается к нему.) Его, его, его, - чтобы отомстить ей!

Она закрывает дверь.

ОДИЛОН (кричит ей). – Ты сама этого хотела!

В этот момент он находится справа от входной двери. Когда Фели открывает ее, он оказывается невиден за дверной створкой. Фели на мгновение останавливается на пороге, входит, закрывает за собой дверь. Отбрасывает вуаль и открывает просветленное лицо.

ФЕЛИ (вполголоса). – Здравствуй, его жилище.

Она поворачивается спиной к Одилону, чтобы полностью закрыть дверь. Едва только дверь закрывается, он молча бросается к ней и обнимает сзади. Она издает крик, но он не разжимает объятий. У нее подкашиваются ноги. Он разворачивает ее в своих руках. Они оказываются лицом к лицу, она с запрокинутой головой, он склонившись над ней.

ОДИЛОН (шепотом). – Фели! Фели!

При звуке своего имени она находит в себе силы немного приподняться. Она смотрит на него с ужасом. Он хочет поцеловать ее в губы. Она вырывается как может, отталкивает рукой надвигающееся лицо. Одилон жадно целует преградившую ему путь ладонь.

ФЕЛИ (стонет умоляюще). – Пустите меня!..

ОДИЛОН (сжимая ее одной рукой, другой отводит ее руку, которая ему мешает). – Твоя рука пахнет свежей древесной корой!

ФЕЛИ (почти беззвучно). – Помогите!..

ОДИЛОН. – Не вырывайся так, твое сердце скачет от этого быстрее и увлекает меня за собой.

ФЕЛИ. – Нет!..

ОДИЛОН. – Я боюсь сломать твои цыплячьи косточки!..

Он запрокидывает лицо фели, не отрывая от него взгляда.

ФЕЛИ (умоляюще, чуть не плача). – Нет, нет...

ОДИЛОН (с неторопливой силой). – Я вижу, как блестят краешки твоих зубов!..

ФЕЛИ (вырывается с неожиданной силой и кричит). – Помогите! Помогите!

Он заглушает крики поцелуем. Она снова ослабевает. Когда он прекращает ее ласкать, она застывает неподвижно в его руках.

ОДИЛОН (пылко, глухим голосом). – Фели! Фели! (Она делает слабое движение, он снова начинает ее ласкать. Оттолкнет ли она его? Она делает неопределенное движение и замирает.) Твои колени вздрагивают, касаясь моих! (Порывисто целует ее.) Фели! Не знаю, люблю ли я тебя, но я тебя хочу.

Она освобождается от него, сделав невероятное усилие. Она немного отстраняется, совершенно обессилив и шатаясь. Он держит ее за руку, полностью вытянув свою руку. Они делают несколько неуверенных шагов.

ФЕЛИ (глухим голосом). – Пустите меня...

ОДИЛОН (тоже в некотором смятении). – Слишком поздно.

ФЕЛИ (направляясь в правую сторону). – Пустите меня, пустите.

ОДИЛОН (не отпуская ее руку, передвигается так, что все время преграждает ей дорогу). – Слишком поздно, ставки сделаны!..

Но она снова собралась с силами. Она хочет вырваться. Куда бы она ни пошла, перед ней оказывается Одилон. Ее голос становится все пронзительней.

ФЕЛИ. – Пустите... пустите... пустите меня...

ОДИЛОН (вне себя, шепчет ей). – Фели, не кричи.

Напротив, она испускает долгий, безнадежный, громкий крик, переходящий в рыдание без слез.

ФЕЛИ. – Помогите!.. Амедей – любимый!

ОДИЛОН (задыхаясь). – Не зови его, это сводит меня с ума!.

ФЕЛИ (еще громче, ища выход). – Спаси меня, любимый!

ОДИЛОН (бросается к ней, обнимает ее, впивается губами в ее губы). – Вот так! Вот так, пока ты не замолчишь. (Ему становится еще страшнее.) Послушай, я тебя поцеловал... У тебя на шее остался след от поцелуя.

ФЕЛИ (дрожит). – Замолчите.

ОДИЛОН. – У тебя из губы сочится кровь.

ФЕЛИ (закрыв рот рукой). – Нет...

ОДИЛОН. – Ты не можешь так уйти, уйти туда... куда собиралась, пока не пройдут следы...

ФЕЛИ. – Пустите меня.

ОДИЛОН (сжимает ее в объятиях). – Фели, ты не можешь уйти с такими следами. Ты никогда не сможешь уйти, Фели, я буду целовать тебя еще и еще, буду оставлять новые следы, чтобы не дать тебе уйти.

ФЕЛИ (зовет). – Дуду, любимый! (Силы ее покидают. Будто бы для того, чтобы не упасть, она обвивает руками шею юноши.) Все мертвые – предатели.

Входит Леона в сопровождении Аликс. Быстро подходит к Фели.

ЛЕОНА. – Что, принимаешь наследство? (Фели в ужасе, побледнев и окончательно ослабев, дает понять «нет» движением головы. Леона торжествует.) Она сдалась, этого довольно!! (Одилону.) Унеси ее, пока она не упала в обморок. Сейчас придут мои люди.

ОДИЛОН (поднимает Фели на руки). – Да, она сдалась... И пусть, она останется со мной.

ЛЕОНА (возбужденно). – Да, да, останется... можешь на ней жениться!! (Одилон уносит Фели в комнату Дома. Леона поворачивается к Аликс.) Он мой и только мой. Дом принадлежит мне, весь, целиком.

Входная дверь открывается, и появляется бургомистр вместе с Бельмасом и Тьерри.

БУРГОМИСТР. – Победа нам обеспечена... Сегодня великий день!

БЕЛЬМАС. – Идея господина Дома прошла над округой как гроза над полем спелых колосьев, склоняя головы, ломая сопротивление.

ТЬЕРРИ: - Как будто только ее и ждали.

БУРГОМИСТР. – Через несколько дней она подчинит себе всех. Уже достигнуто соглашение между сельскими домистами...

БЕЛЬМАС. – Ориентации Леона...

ТЬЕРРИ. – ... и городскими...

БЕЛЬМАС (загадочно). – Ориентации Фели дез Эшет.

БУРГОМИСТР. – Дорогая, дражайшая, наидражайшая госпожа. Правильно я говорю? Мы хотели бы превратить комнату господина Дома в музей.

БУЛЬМАС. – Мы собрали бы в ней связанные с ним предметы: его постель, его кресло, тапочки...

ТЬЕРРИ. - Все домисты приходили бы сюда собираться с мыслями... Это будет святилище, алтарь Идеи... (Он направляется к комнате.) С вашего позволения... (Поднимается по лестнице.) Эти три ступеньки поставлены здесь как будто нарочно, чтобы возвысить комнату, выделить ее, придать ей особую торжественность. (Открывает дверь и сразу отскакивает назад. Шепотом.) О! Там влюбленные.

БУРГОМИСТР. – В центре комнаты мы установим вот эту символическую полусферу...

ТЬЕРРИ. – чтобы хранить под ней пергаментный свиток...

БУРГОМИСТР. – Вот он...

ТЬЕРРИ. – с начертанным на нем законом...

БУРГОМИСТР. – Подождите... позвольте... (Трое мужчин окружают крышку, поднимают ее, кладут туда пергамент, переходят на шепот.) Пока это чистый лист... в данный момент события развиваются так стремительно, что люди за ними не успевают.

Все трое выстраиваются перед крышкой.

БЕЛЬМАС. – Я очень волнуюсь, очень-очень.

Утирает слезу.

БУРГОМИСТР. – Да-да, я тоже.

Достает свой носовой платок и плачет. Но вдали уже слышны фанфары.

ТЬЕРРИ. – Госпожа Дом, тридцать делегаций спешат воздать вам первые почести!

БЕЛЬМАС (в дверях). – Да, да, а перед ними идут музыканты.

БУРГОМИСТР. – Прибыли пожарные из Кремонты!

БЕЛЬМАС. – Газетчики из Блик-сюр-л'Аста!

БУРГОМИСТР. – Рыболовы-любители, голубятники, арбалетчики из Пране и Терр-Мебля!

ТЬЕРРИ. – Веселые филантропы из Сен-Клопена!

БУРГОМИСТР. – Комитет Воскресных Пирушек!..

БЕЛЬМАС. – Фанфароны из Лурмьера!..

БУРГОМИСТР. – Слышите... слышите...

Леона замирает, прижавшись к Аликс. Слышны звуки военного марша.

ЛЕОНА (с торжествующей радостью). – Он мой и только мой, мой целиком. (Вдруг тише.) Я никуда не поеду! И я люблю его, Аликс, люблю!

АЛИКС (спокойно). – Эту фразу я уже слышала...

ЛЕОНА. – Нет.

АЛИКС. – Кто теперь?

ЛЕОНА (как об очевидном). – Дом, Амедей Дом. (Она прижимает Аликс к себе.) Знаешь, однажды днем мы с ним бегали по лугу; я его обгоняю, и тогда он кричит: «Леона, так нечестно! Ты не касаешься ногами земли!..»

АЛИКС (изображая удивление). – Не может быть, чтобы ты ходила на руках.

В этот момент фанфары раздаются совсем близко. Бельмас и Тьерри вытягиваются по стойке смирно.

ЛЕОНА (вдохновенно, обращаясь к Аликс или к одной себе). – Он говорил мне: «Леона, твои удлиненные глаза длинней, чем дни в июне, длинней, чем прекрасные воспоминания.»

АЛИКС. – Да-да, ты принадлежишь ему вся безраздельно.

FIN

1 См. сноску в конце сцены между звездочками.

2 Сцена между звездочками в спектакле может быть опущена. В этом случае Леона зовет: «Одилон! Одилон!» Затем к Аликс: «Оставь нас.» Аликс уходит.